

БЕЛОРУССКИЕ НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

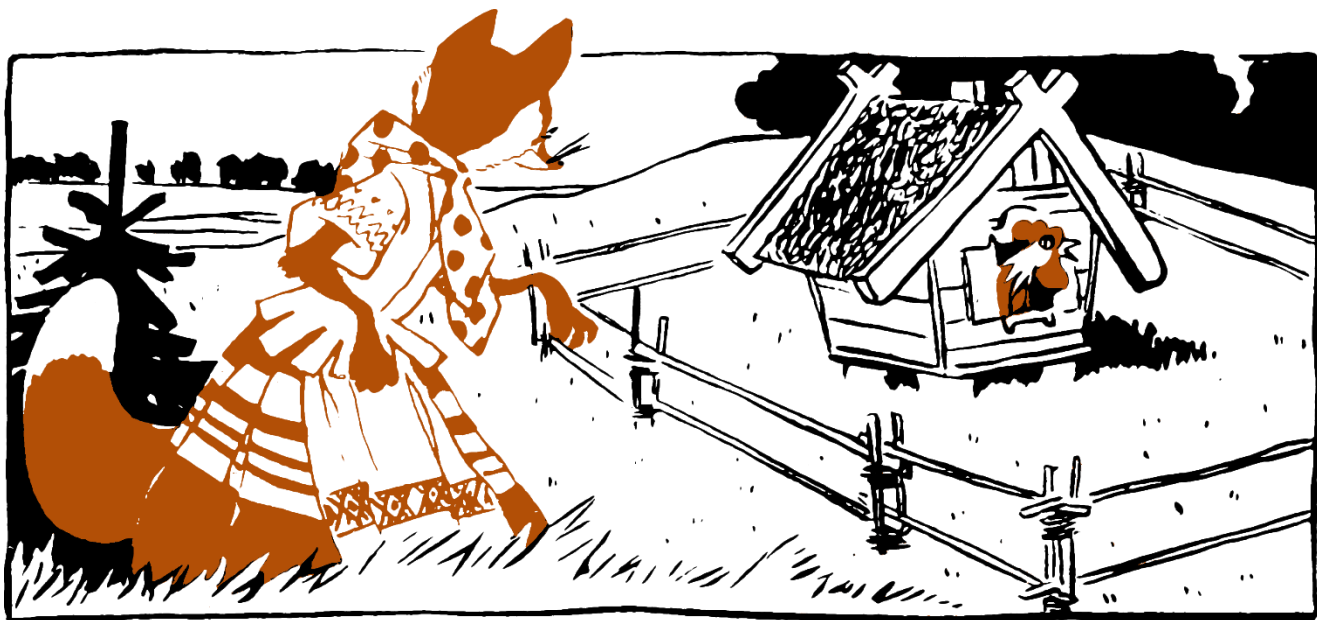
ДИВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БЕЛАРУСЬ» МИНСК 1966

Обработка и перевод
Якуба Коласа

Рисунки
Анатолия Волкова

КОТ, ПЕТУХ И ЛИСА

В дремучем лесу стояла маленькая хатка. Было в ней всего два окошка, печка и жёрдочка над печкой. Жили в этой хатке кот и петух. Петух проводил ночь на жёрдочке, а кот спал на моховой подушке, которая лежала на печке.

С вечера кот, греясь на печке, рассказывал сказки, а петушок, сидя на жёрдочке, пел песни. Днём кот уходил на охоту, а петушок оставался дома, топил печку, подметал хатку.

Ушёл раз кот в лес на ловлю. Петушок остался дома, — такой уж у них был заведён порядок. Вытопил петушок печку, прибрал хатку, взлетел на подоконник и смотрит в лес, ждёт своего друга с охоты. А чтоб не так скучно было ждать, начал петь. Закукарекал раз и другой. Далеко по лесу понеслось эхо. Услыхала лиса знакомую песню и побежала к хатке. Видит — сидит на подоконнике петушок. Гребешок на нём горит, словно жар.

— Здравствуй, Петенька! — говорит лиса. — Не знаешь ли ты, кто это так прекрасно пел?

— Да это я! — с гордостью отвечает петушок.

— Ты?! — удивилась лиса.— Я очень хотела бы посмотреть хатку, в которой живёт такой певец.

Отворил петушок дверь, а лисица схватила петушка и понесла в лес. Кричит петушок, зовёт своего друга кота на помощь.

Ой, Васенька, Вася!
Беда со мной стряслася:
Несёт меня лиса
За тёмные леса,
За дикие горы,
В глубокие норы,
Дорожками лесными,
Тропинками глухими,
Несёт в далёкий край.
Ой, Васенька, спасай!

Услыхал кот петуха, побежал на помощь. Прибежал, бросился на лису, фыркнул да когтистой лапкой по щеке её царапнул, отнял петушка, привёл его домой.

— Смотри же, Петя, не слушай лисы, не пускай её в хатку. Я уйду ещё дальше в лес.

На другой день кот ушёл в лес, а петушок дома остался. Через некоторое время опять приходит лиса:

— Отвори мне, Петя.

— Нет, не отворю: ты опять схватишь меня.

— Не бойся, не буду хватать тебя. Я только огонька возьму, чтоб обед сварить.

Отворил петушок дверь, а лиса — цап! И потащила в лес петушка. Зовёт петушок на помощь кота:

Котик-братик!
Несёт меня лиса
За тёмные леса,
За горы высокие,
За яры глубокие,
Дорожками лесными,
Тропинками глухими,
Несёт в темнистый гай;
Спасай меня, спасай!

Еле услышал котик петуха. Прибежал, отнял петушка, домой привёл.

Наказал кот петуху строго-настрого не пускать лисы в хатку, не отворять ей дверь.

— Я уйду ещё дальше в лес, не услышу тебя.

На другой день кот ушёл в лес далеко-далеко.

Опять петушок один дома остался. И решил не пускать больше лисы в хатку. А она тут как тут. Подошла к хатке, села против окошка:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок.
Сядь ты на окошко,
Посмотри немножко.
Вон стоит коляска,
Не коляска — сказка.
Сама на горку бежит,
Кузов зёрнами набит.

Интересно петушку посмотреть на чудесную коляску. Взлетел на подоконник да нечаянно в окошко крылом ударил. Окошко раскрылось. Подскочила лиса и схватила петушка, в лес потащила. Как ни кричал петушок, не услышал его котик. Принесла лиса петушка в свою хатку. А в той хатке три лисьи дочки жили.

— Ну вот, доченьки, гостинца вам принесла.

Возвратился кот с охоты, видит — нет петушка.

Сделал кот себе скрипку и лук и пошёл петушка разыскивать. Пришёл к лисьей норе, сел на бугорке и стал играть на скрипке. Играет и поёт:

У лисы, у лиски
Новый двор,
У лисы три дочки
На подбор.
Петушок четвёртый,
Он мой, мой,
Собирайся, Петя,
Ты домой!

Хорошо играл и подпевал Кот-Мурлыка. Услыхали лисицыны дочери эту песню. Понравилось им, что неизвестный певец поёт о их красоте.

— Ах, мама, — говорит одна дочка лисы, — как хорошо поёт кто-то. Пойдём послушаем.

Выползли из норы три молодые лисицы, а котик взял лук и выпустил три стрелы, — в каждую лисичку по одной стреле. Ждёт лисица дочерей, а они не возвращаются. А кот сидит на бугорке и продолжает играть да подпевать.

— Что же они, глупые, так заслушались! — говорит лиса.

Взяла она прутик, чтоб погнать дочерей домой, выползает сама из норы. Выпустил кот четвёртую стрелу, убил лису, а сам полез в её хатку и вывел из норы петушка. Возвратились они домой. Живут себе спокойно, как и жили раньше.

ДВА ЗАЙЦА

а опушке леса под берёзкой сидят два зайчика, сидят и плачутся на свою жизнь, на свою судьбу.

— Какая наша жизнь? — говорит один зайчик.

— Никому так тяжело не живётся, как нам, зайцам. Вечный страх и тревога. И всех мы боимся: боимся человека, волков, лисицы. И кто только не преследует, не обижает нас, несчастных! Не только человек и зверь, а даже птицы зарятся на нас, чтоб полакомиться зайчатиной, ночные и дневные хищники. А чем и как мы можем защищаться? Ничем. Вся надежда на ноги: вынесут из опасности — твоё счастье, а нет — расплачивайся кожей и мясом.

И заплакали зайчики с горя.

— Стоит ли на свете жить, — говорит другой зайчик, — хоть бы одна тварь боялась нас. Уж лучше пойти и утопиться в озере.

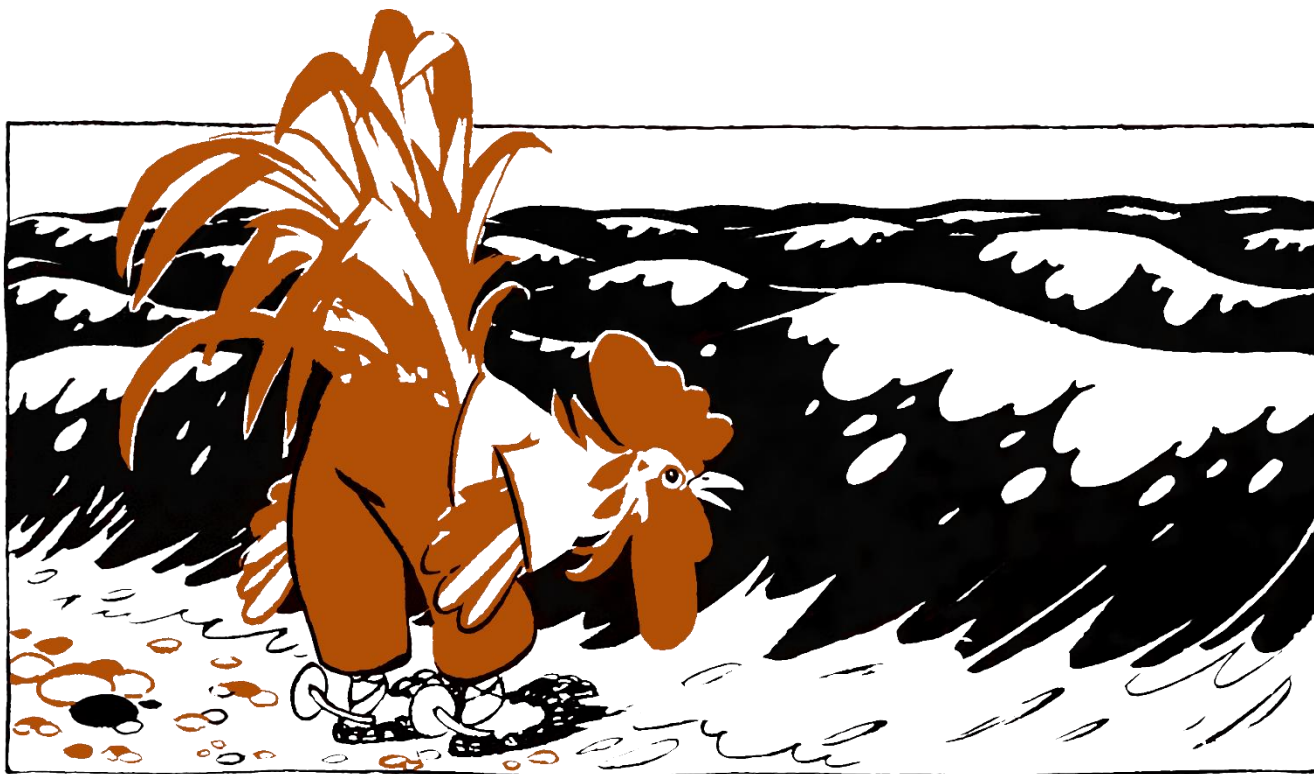
Озеро было недалеко. Идут зайчики к озеру, чтобы утонуть в нём. Пришли, распрощались друг с другом и идут в озеро. Ступили несколько шагов, и вдруг лягушка прыгнула с кочки в сторону от них, испугалась зайчиков.

Остановились зайцы.

— Эге, — говорит один зайчик, — есть, оказывается, такие твари, что и нас боятся. Стало быть, им ещё хуже. Значит, жить на свете можно.

И побежали зайчики в лес.

КАК ПЕТУШОК СПАСАЛ КУРОЧКУ

ошёл петушок с курочкой на поле искать зёрен. Петушок ходил по гороховому полю, а курочка по бобовому. Нашла курочка бобовинку, клюнула, но проглотить не могла. Застряла бобовинка в горле. Упала курочка, лежит под межей, не пошевелит головой. Прибежал петушок, видит — беда: подавилась курочка. Надо ей воды! Пустился петушок к морю.

— Море, море, дай воды!

— А зачем тебе вода?

— Курочке надо вода: подавилась бобовинкой, лежит под межей, не пошевелит головой.

— Принеси мне клык от кабана, тогда дам воды.

Побежал петушок просить клык.

— Кабан, кабан, дай клык!

— А зачем тебе клык?

— Морю надо клык, чтоб море дало воды.

— А вода зачем?

— Курочке надо вода: подавилась бобовинкой, лежит под межой, не пошевелит головой.

— Принеси мне жёлудь, тогда дам клык.

Побежал петушок к дубу.

— Дуб, дуб, дай жёлудь!

— А зачем тебе жёлудь?

— Кабану жёлудь, чтоб кабан дал клык.

— А клык зачем?

— Морю надо клык, чтоб море дало воды.

— А вода зачем?

— Курочке надо вода: подавилась бобовинкой, лежит под межой, не пошевелит головой.

— Иди к липе, принеси мне лыко.

Побежал петушок к липе.

— Липа, липа, дай лыко!

— Зачем лыко?

— Дубу лыко, чтобы дуб дал жёлудь.

— Зачем жёлудь?

— Кабану жёлудь, чтобы кабан дал клык.

— Зачем клык?

— Морю клык, чтобы море дало воды.

— Зачем вода?

— Курочке вода: подавилась бобовинкой, лежит под межой, не пошевелит головой.

А липа говорит:

— Принеси мне пояс, что соткут девушки, тогда дам тебе лыко.

Побежал петушок к девушкам.

— Девушки, девушки, сотките мне пояс!

— А зачем тебе пояс?

— Липе пояс, чтобы дала лыко.

— А лыко зачем?

— Дубу лыко, чтобы дал жёлудь.

— А зачем жёлудь?

— Кабану жёлудь, чтоб кабан дал клык.
 — Зачем клык?
 — Морю клык, чтобы море дало воды.
 — Зачем вода?
 — Курочке вода: подавилась бобовинкой, лежит под
 межой, не пошевелит головой.
 — Иди к пастухам, пусть дадут молока.
 Побежал петушок к пастухам.
 — Пастухи, пастухи, дайте молока!
 — Зачем молоко?
 — Девушкам молоко, чтобы соткали пояс.
 — А пояс зачем?
 — Липе пояс, чтобы дала лыко.
 — А лыко зачем?
 — Дубу лыко, чтобы дал жёлудь.
 — Зачем жёлудь?
 — Кабану жёлудь, чтобы дал клык.
 — А зачем клык?
 — Морю надо клык, чтоб море дало воды.
 — А вода зачем?
 — Курочке надо вода: подавилась бобовинкой, лежит под
 межой, не пошевелит головой.
 — Иди, петушок, к косарям, пусть дадут сена.
 Побежал петушок к косарям на болото.
 — Косари, косари, дайте сена!
 — Зачем тебе сено?
 — Коровам сено, чтоб коровы дали молока.
 — А молоко зачем?
 — Девушкам молоко, чтоб девушки соткали пояс.
 — А зачем пояс?
 — Липе пояс, чтобы дала лыко.
 — А лыко зачем?
 — Дубу лыко, чтобы дал жёлудь.
 — А жёлудь зачем?
 — Кабану жёлудь, чтоб кабан дал клык.
 — А клык зачем?

— Морю клык, чтоб море дало воды.

— А зачем вода?

— Курочке надо вода: подавилась бобовинкой, лежит под межой, не пошевелит головой.

А косари говорят:

— Беги, петушок, к барину, пусть барин даст хлеба.

Поедим, тогда накосим сена.

Побежал петушок к барину.

— Барин, барин, дай хлеба.

— А для чего хлеб?

— Косарям хлеб, чтобы накосили сена.

— Зачем сено?

— Коровам сено, чтобы коровы дали молока.

— А молоко зачем?

— Девушкам молоко, чтоб девушки соткали пояс.

— А зачем пояс?

— Липе пояс, чтобы дала лыко.

— А лыко зачем?

— Дубу лыко, чтобы дал жёлудь.

— А жёлудь зачем?

— Кабану жёлудь, чтоб кабан дал клык.

— А клык зачем?

— Морю клык, чтоб море дало воды.

— А зачем вода?

— Курочке надо вода: подавилась бобовинкой, лежит под межой, не пошевелит головой.

— Попроси кузнеца, чтоб сделал нож хлеба нарезать.

Побежал петушок к кузнецу. Кузнец сделал нож. Принёс петушок нож барину. Барин нарезал хлеба. Косари взяли хлеб и накосили сена. Пастухи накормили коров. Коровы дали молока. Девушки соткали пояс. Липа взяла пояс и дала лыко. Дуб взял лыко и дал жёлудь. Понёс петушок жёлудь кабану. Кабан дал клык. Море взяло клык и дало воды. Несёт петушок воду курочке.

А курочку давно уж черви съели.

КОТ — СВАТ

или-были два друга: кот Максим и его хозяин Мартин Глинский-Пепелинский. Мартин Глинский-Пепелинский унаследовал от своего отца старенькую хатку. Прожили они с котиком в ней недолго. Старенькая хатка сгнила и развалилась. Осталась одна только глиняная печь да кучка пепла на ней. Хозяин поселился на печи. От глиняной печки и кучки пепла и произошла громкая фамилия Мартина: Глинский-Пепелинский. Так прозвал его кот Максим. Живя неразлучно вместе, они хорошо понимали друг друга. Глинский-Пепелинский умел говорить по-кошачьи, а кот по-человечьи.

Вот однажды и говорит Глинский-Пепелинский коту Максиму:

— Слушай, Максим, я хочу жениться, да не на ком-нибудь, а на царевне.

Кот ему ответил на это:

— Сидишь ты на печи, так лучше помолчи. Я тебя поил, кормил, а ты ничего не делал, только ел да спал. А сейчас жениться вздумал, да ещё на царевне.

— Я твой хозяин, и ты должен меня слушаться. Иди к царевне в сваты.

Ничего не поделаешь, надо слушаться хозяина.

Умылся кот Максим, усы разгладил и отправился к царю. Идёт кот да идёт, входит в лес, из лесу на поляну выходит. Встречает зайца.

— Куда ты, кот, идёшь? — спрашивает заяц.

— Иду к царю на суд, — отвечает кот.

— На какой суд?

— Уж если ты хочешь знать, так я тебе скажу. Случается, кошка нашкодит: сметану слижет, колбасу погрызёт, кувшин с молоком опрокинет, а на кого вину сваливают? На кота. Так разве это справедливо? Вот я и иду подать жалобу в суд.

— И я с тобой пойду, — говорит заяц.

— А ты по какому делу пойдёшь?

— Я тоже не хочу клеветы сносить. Зайчиха погрызёт плодовые деревья, а вину сваливают на зайца. Собака гонит зайчиху, а говорят — зайца. Зайца обвиняют в трусости, а трусят больше зайчихи. Так вот и я пойду с тобой на суд к царю.

— А что же ты один? — спрашивает кот.

— И ты тоже один.

— Эх ты! С кем потыкался? Так ведь там у меня родня: братья и сёстры, тётки, отцы, деды и прадеды. По слову скажут, и мне поверят. А за тебя кто слово закинет? Вот если б из лесу хоть половина зайцев собралась, тогда другое дело.

Упал заяц на землю, да как заорёт! Услыхали зайцы этот крик, мигом из лесу стали сбегаться. Собралось их видимо-невидимо, и зайцы всей оравой пошли за котом. А там, где они шли, такой глубокий ров образовался, что деревья сохнуть нача-

ли, а по рву вода побежала — так много их было.

Пришли к царю.

— Подождите здесь, — говорит зайцам кот, — сначала мою жалобу разберут, а потом вашу. Я вас позову.

Раскрыл кот ворота огромного сарая и захлопнул в нём зайцев, а сам идёт к царю. Идёт, в ладошки хлопает, подпрыгивает, песни поёт. Взошёл на крыльцо царского дворца. А там часовой стоит с ружьём.

— Откройте! — говорит кот.

Открыли дверь.

— Покажите, где царь живёт.

Ему показали. Вошёл кот в царские хоромы. Встречает его царь.

— Здравствуй, царь-государь, император!

— Здравствуй, коток! Что скажешь?

— Да вот Глинский-Пепелинский подарок прислал.

— Хорошо, — говорит царь.

Подошли к сараю, а он битком набит зайцами.

«Богат, должно быть, этот Глинский-Пепелинский — столько зайцев прислал», — думает про себя царь.

Накормил царь кота, да ещё на дорогу целый мешок провизии дал.

Пошёл кот Максим припеваючи, мешок тащит, в ладоши плещет.

Пришёл кот домой, а Глинский-Пепелинский еле живой на печке сидит — изголодался. А всё же спрашивает:

— Ну как, пойдёт за меня царевна?

— Как же она пойдёт за тебя, когда ты ходить не можешь? — отвечает кот.

— А ты дай мне кушать! — кричит с печки Глинский-Пепелинский.

Пошёл кот на речку, наловил рыбы, раков. Несколько дней отхаживал он хозяина, пока не поставил на ноги. А когда Глинский-Пепелинский окреп, опять про женитьбу да про царевну

речь заводит. И снова посылает кота к царю сватать себе невесту.

Собрался кот и снова пошёл той же дорогой. Идёт он через лес, выходит на ту же поляну и встречается волка. Испугался кот, вскочил на сосёнку. А волк говорит ему:

— Ты не бойся, а скажи, куда идёшь.

— Сказал бы, да боюсь.

— Не бойся, говори.

— Если зайцев пошло много, то вас, волков, ещё больше пойдёт.

— Куда?

— А туда, куда и я иду.

Разозлился волк, подскочил и схватил кота за хвост.

Стащил его на землю, лапой прижал.

— Если не скажешь, куда идёшь, так я тебя съем.

— Как я буду говорить, когда ты придавил меня? Пусти, тогда скажу.

Снял волк с кота лапу.

— Ну говори, куда идёшь?

— Иду на суд к царю.

— И я пойду с тобой.

— Да что же ты пойдёшь? Уж если зайцев много пошло, то вас, волков, нужно в три раза больше.

— А ты почему один идёшь?

— У меня при царском дворе целая моя фамилия: братья, сёстры, тётки, дяди, отцы и деды. Уж я-то своё дело выиграл. Надо только решение суда взять. А тебе одному кто поверит?

Сел волк с горя и начал выть, да так громко, что кот уши лапками прикрыл.

И вдруг кругом стали волки откликаться да сбегаться на поляну. Сбежались и начали расспрашивать, в чём дело. А когда узнали, что кот идёт к царю на суд, начали кота просить рассказать, что и как.

— Стоять нам здесь да говорить, так этак и день пройдёт. Пойдём, в дороге и говорить будем, — ответил кот.

И пошли — кот впереди, а огромная стая волков за ним. Пришли они к царскому дворцу. Хотят волки первыми к царю идти, а кот останавливает их.

— Как же вы пойдёте? Моя жалоба уж подана. Разберут сначала мою, а я доложу о вас царю и сам вас позову. Подождите здесь.

Привёл кот всю волчью стаю к воротам сарая.

— Вот здесь и ждите.

И захлопнул кот волков в сарае, а сам к царю идёт, песни поёт, в ладоши хлопает. Ему отворили и пустили в царский дворец.

Вышел царь.

— Здравствуй, царь-государь, император!

— Здравствуй, коток! Что скажешь?

— Да я от Глинского-Пепелинского. Подарочек прислал он вашему царскому величеству.

— Хорошо, — говорит царь, — посмотрим, что за подарок такой.

Повёл кот царя к сараю. Посмотрел царь и ахнул: какой богатый Глинский-Пепелинский!

— Ну что ж, — говорит царь, — пусть приезжает Глинский-Пепелинский свататься к моей дочери.

Накормил царь кота, на дорогу провизии дал. А волков велел перебить.

Идёт кот домой, от радости земли не чувствует. Идёт, песенки поёт, в ладоши похлопывает. Пришёл домой в полночь, будит Глинского-Пепелинского.

— Вставай, вставай! Я от царя пришёл.

— А что тебе царь сказал?

— Да вот сказал, чтоб ты приезжал: отдаёт за тебя свою дочь.

Почесал затылок Глинский-Пепелинский.

— Сватал ты меня, сватал, чтоб тебя чёрт в болоте за-

прятал! В чём же я поеду? Ты видишь, что я гол, как топор!

— Ты не горюй, а положишься на меня. Собирайся!

Собрался Глинский-Пепелинский, кое-как прикрыл своё тело, и они отправились в путь. Шли ночью. В окрестности царского дворца было много солдат, складов с обмундированием. Пошёл кот в склады, натаскал солдатских шапок.

— Укладывай их в мешки, — приказывает кот.

Наклали несколько мешков шапок и пошли дальше. Вот и дворец недалеко, надо только мост через реку перейти. Оставил кот Глинского-Пепелинского с мешками на мосту, а сам пошёл под мост воды напиться. Напился кот воды, сидит, ждёт чего-то. И вдруг видит — выползает из норки огромный рак. Изловчился кот и — цап рака!

— Отпусти меня! — взмолился рак.

— Сослужи мне службу, тогда отпущу.

— В воде могу сослужить тебе службу, а на берегу не могу.

— Так вот что, — говорит кот, — созови всех раков, пусть подроят мост.

— Это я могу, — отвечает рак.

Отпустил кот рака, а чтобы он не удрал, привязал его за клешни на верёвочку. Созвал рак тысячи раков. И принялись они подкапывать сваи. Зашатался мост, упал на реку и поплыл.

— Раздевайся и бросай шапки в воду! — кричит кот.

Снял Глинский-Пепелинский с себя лохмотья, бросает в воду шапки. Плывёт мост, плывут шапки, а Глинский-Пепелинский стоит голый на мосту и кричит:

— Спасайте, утону!

Прибежал кот к царю.

— Ваше царское величество, с Глинским-Пепелинским беда приключилась! Не выдержал мост его войска, обрушился. Солдаты утонули, только шапки их плывут.

Сам Глинский-Пепелинский еле спасся. Он сбросил с себя дорогие одеяния, расшитые золотом, чтоб не утонуть.

Послал царь солдат на лодках спасать Глинского-Пепелинского. А через министра отправляет дорогую одежду, которую носили только самые важные придворные магнаты.

Оделся Глинский-Пепелинский в богатые одежды и стал таким красавцем, что придворные кавалеры ему позавидовали.

Навстречу ему выехала сама царевна со своими фрейлинами.

И стал Глинский-Пепелинский царским зятем. Ему отвели дворец. А когда царь умер, то Глинский-Пепелинский стал царём, а главным министром его остался кот Максим.

ТРИ БРАТА

Водной деревне жил старик. У него было три сына. Жили они очень бедно. Когда старик умирал, он разделил между сыновьями своё имущество. Старшему сыну дал жернова, среднему — рожок, а младшему — лыки.

Когда отец умер, старший сын взял жернова и пошёл в свет. Идёт он и видит — стоит в лесу хатка. Взобрался старший брат на крышу, положил жернова на дымовую трубу. Сидит и ждёт. Ночью в хатку пришли разбойники. Зажгли огонь, сели за стол и считают деньги. А старший брат как загремит жерновами! А потом кинул в трубу жернова. Испугались разбойники, бросили на столе деньги, а сами в лес удрали. Слез старший брат с крыши, вошёл в хату, забрал деньги и пошёл домой. И стал старший брат жить богато, но с братьями богатством не поделился.

Пошёл в свет и средний брат со своим рожком. Идёт он да идёт и видит — стоит у дороги будка. Подошёл он к будке.

А в ней медведь заперт. Заиграл средний брат в рожок, медведь испугался да так заревел, что будка затряслась. Едет по той дороге богатый пан на тройке лошадей. Видит — будка, а у будки человек стоит. Остановил пан лошадей, слез с брички.

— Ты здесь чего стоишь? — спрашивает пан.

— Зверя стерегу, — отвечает средний брат.

— Покажи мне его.

Средний брат открыл дверь будки да как затрубил в рожок! Вскочил медведь из будки, бросился на пана, повалил его и разорвал, а сам в лес убежал. Сел средний брат в бричку и погнал лошадей. Лошадей и бричку продал, и стал он богаче старшего брата, но с меньшим братом богатством не поделился.

Нечего дома делать младшему брату. Взял он свои лыжи пошёл по дороге. Идёт он да идёт. Зашёл в дремучий лес, а в лесу большое болото. Сел брат на кочку и кроит лыжи. Из-под кочки вылезает чертёнок.

— Что ты, дядя, хочешь делать тут?

— Буду церковь строить.

Испугался чертёнок и побежал к старшему чёрту. Прибежал и рассказывает:

— Пришёл какой-то человек и хочет здесь церковь строить.

— Иди и скажи ему, пусть возьмёт что хочет, но церкви чтоб не строил.

Пришёл чертёнок к меньшему брату и говорит:

— Возьми что хочешь, но церкви не строй здесь.

— Насыпьте мне полную яму, что я выкопал, золота, тогда не буду строить церкви.

Насыпали черти полную яму золота, но жалко им стало отдавать его.

Пришёл к меньшему брату чёрт Крепкий.

— Давай поборемся, — говорит он. — Кто кого одолеет, тому и золото достанется.

Меньший брат отвечает ему:

— Вон там под ёлкой мой старый дедушка лежит. Поборись с ним, старым, прежде чем со мной, молодым, бороться.

Пошёл чёрт искать, а под елью медведь лежал. Как начал он ломать чёрта, чёрт еле жив остался. Пошёл он к старшему чёрту. Посылает старший чёрт чёрта Быстрого. Пришёл чёрт Быстрый к меньшему брату.

— Кто кого перегонит, тому золото и достанется.

Меньший брат ему отвечает:

— Вон там под сосёнкой мой сын лежит. Обгони его.

Пошёл чёрт Быстрый к той сосёнке, а под ней заяц лежит.

— А ну, давай вперегонки бежать.

Испугался заяц и стрелой в лес помчался.

— Пстой! — кричит чёрт. — Давай бежать с одного места.

А зайца и след простыл.

Пошёл чёрт Быстрый к старшему чёрту. Посылает старший чёрт к меньшему брату чёрта Свистуна.

Пришёл чёрт Свистун и говорит:

— А ну, давай свистеть: кто кого пересвищет, тому и золото достанется.

— А ну, свищи!

Как свистнул чёрт Свистун, так и лес задрожал и листья посыпались.

— Хорошо свистишь, — говорит меньший брат. — А теперь я свистну. Ты только глаза завяжи, чтоб они изо лба не выскочили.

Завязал глаза чёрт Свистун платком, а меньший брат взял дубину да как хватит чёрта по башке. Упал чёрт.

— Что, ещё свистеть? — спрашивает меньший брат.

— Не надо, не надо! — кричит чёрт Свистун, поднялся на ноги и — с глаз долой.

Так и осталось золото меньшему брату.

СЧАСТЬЕ И ГОРЕ

или два брата. Один был богатый, а другой горький бедняк. Пришёл однажды бедный брат к богатому.

— Дай мне на один день коня — полосу запахать.

— Ну что ж, возьми, да только не загоняй лошади, — ответил богатый брат.

Пошёл бедняк на выгон, где паслись лошади, поймал одну, взял за гриву и хочет вести. Вдруг подходит какой-то незнакомый человек, не даёт лошади.

— Ты кто такой, что не даёшь мне коня моего брата? Он мне позволил взять.

— Я — Счастье твоего брата, — отвечает незнакомый человек и отнимает у бедняка лошадку.

Вздохнул бедняк и почесал затылок.

— А где же моё счастье? — спрашивает он.

— Твоё счастье вон там под кустом лежит в красной сорочке, — отвечает незнакомый.

Пошёл бедняк искать своё счастье. Подошёл к кусту, смотрит, действительно, лежит какой-то увалень в красной рубашке, спит. Взял бедняк дубинку да как потянет по спине лежебока!

Вскочил на ноги человек в красной рубашке, смотрит на бедняка, а бедняк говорит:

— Ты что же лежишь, не помогаешь мне?

И снова замахнулся дубинкой.

— Ой, не бей ты меня! — взмолился лежебока. — Буду помогать тебе. Только вот не люблю и не умею землю пахать. Давай лучше займись торговлей, а я тебе помогать буду.

«А он правду говорит, — подумал бедняк, — землю пахать тяжело, торговать куда легче».

Пошёл бедняк домой, рассказал жене. Жена согласилась с ним. Она дала ему свою юбку, больше нечего было найти в доме.

Пошёл бедняк на базар, продал юбку за два целковых. За полтинник купил подержанные сапоги, а перепродал их за три рубля. И так ему повезло в торговле — покупает дёшево, продаёт дорого. За несколько недель торговли он наторговал уйму денег. Что же с ними делать? Купил себе в городе дом с садом и просторной усадьбой, пару лошадей с упряжью и бричкой и поехал домой, собрал всё, что было поценнее, и выходит, чтоб ехать в город. Вдруг слышит: плачет кто-то.

— Кто это? — спрашивает разбогатевший брат.

— Я, — отвечает кто-то.

— А кто ты?

— Я, твоё Горе.

— А чего же ты плачешь?

— Плачу, что ты не берёшь меня с собой.

— Ну, не плачь, возьму и тебя. Полезай вот в этот сундук.

Полезло Горе в сундук, а разбогатевший брат закрыл сундук наглухо, вырыл яму и закопал его вместе с Горем.

Уехал он в город и стал жить богачом.

Весть о его богатстве дошла до богатого брата. Приехал он в город к разбогатевшему брату в гости.

— Как же ты разбогател? — спрашивает брат.

— А я закопал своё Горе в землю.

Зависть взяла богатого брата. Расспросил, где закопано Горе. Приехал на то место, где жил брат-бедняк, откопал сундук, раскрыл его. А там сидит Горе его брата.

— Ты теперь свободно, иди снова к моему брату.

Горе отвечает:

— Нет, твой брат злой человек: он закопал меня в землю. Ты же добрый, откопал меня и выпустил на свет. К тебе я и пойду.

Бросился богатый брат ловить Горе, чтобы снова посадить его в сундук и закопать, а оно исчезло, но не пропало. Поселилось с богатым братом и сделало его горьким бедняком.

СМОЛОДУ ИЛИ К СТАРОСТИ?

или два богатых хозяина. У одного был сын, у другого дочка. Когда сын и дочь выросли, родители поженили их, построили им дом, дали земли, и молодые стали жить самостоятельно. Прожили они некоторое время в дружбе и в согласии. Однажды вечером вышел молодой муж на двор и слышит: кто-то стучит в калитку.

— Кто там? — спрашивает хозяин.

— Я, твоя Беда, — отвечает голос из-за калитки.

— А что тебе нужно?

— Я хочу, чтоб ты ответил мне, как лучше: хорошо ли жить в молодости или же лучше хорошо жить к старости?

Задумался молодой хозяин. Не знает, какой дать ответ злой костлявой старухе в лохмотьях.

— Пойду посоветуюсь с женой, — ответил хозяин.

Он ушёл, а Беда стоит за калиткой.

Посоветовались муж с женой. Жена сказала — уж лучше хорошо жить к старости. Так и сказал муж Беде.

Прошло несколько дней. В одну ночь загорелся дом. Всё, что было в доме, сгорело. Сами молодые хозяева еле-еле выбежали из горевшего дома. Погоревали их отцы вместе с ними, а потом построили новый дом, а в дом дали разного добра. И снова живут молодые мирно, дружно. Прошло с полгода. Как-то вечером ходит молодой хозяин по своему двору и снова слышит стук в калитку.

— Кто там?

— Я, твоя Беда.

— А что тебе нужно?

— Скажи мне, что тебе лучше: хорошо ли жить в молодости или хорошо жить к старости.

Опять пошёл муж на совет с женой и принёс Беде тот же ответ — лучше хорошо жить к старости.

Прошло несколько дней. Беда незаметно подкралась к дому и подожгла его. Всё сгорело. Сами хозяева едва выскочили из горевшего дома в чём застиг их пожар.

Погоревали старики и в третий раз построили дом для молодых, хоть и не такой уж богатый. Через некоторое время опять стучится Беда в калитку молодого хозяина и по-прежнему спрашивает, как лучше: жить ли хорошо смолodu или лучше хорошо жить к старости?

И прежний ответ получила Беда. Она ушла, а через несколько дней сгорел дом молодых хозяев.

Тогда старики решили разлучить молодого мужа с молодой женою. Так и люди советовали. Разлучили, но не навсегда, а на некоторое время.

— Идите, — говорят, — в свет, в разные стороны, живите поодиночке, но не забывайте друг друга. Вам надо пережить полосу несчастий, а потом, быть может, к вам и счастье придёт.

Послушались совета молодые, согласились разойтись.

Молодая жена, прежде чем разойтись, разрубила перстень пополам, разрежала на две части платок. Половину перстня и половину платка она оставила себе, а другие половинки отдала мужу.

— Где бы ты ни был, всегда носи с собой эту половинку перстня и половинку платка, — сказала она мужу.

И они разошлись. Жена нашла себе работу у богача-помещика, а муж нигде не мог найти пристанища, ходил с одного места на другое. Где день, где ночь, и сутки прочь. Осунулся он, изголодался, обносился, и вид у него был, как у нищего. Зашёл он как-то к одному хозяину и попросился на ночлег.

— А ты поможешь мне дрова рубить? — спросил его хозяин.

Голодный и бедно одетый путник согласился рубить дрова. Назавтра отправился он с хозяином в лес. Начали рубить деревья. За работой путник разогрелся, снял сермягу, а сумку, где хранились половины перстня и платка, повесил на сук. Откуда ни возьмись — ворона. Ухватила сумку и улетела с ней.

— Ох, несчастный я! — сказал путник. — Не найду я свою жену, не жить мне с ней.

Бросил работу и пошёл куда глаза глядят. Долгое время бродил по свету. Но случилось так, что опять пришлось ему пойти с топором в лес помогать другому хозяину деревья валить. И увидел он в лесу большую сосну, а на той сосне что-то виднелось, вроде как бы кукла. Подошёл к сосне, срубил её. Когда сосна упала, то оказалось, что на ней висела та сумка, которую утащила ворона. Обрадовался бедняга, взял сумку и пошёл дальше. В дороге его настигла ночь. Неподалёку стояла усадьба. Вот он и пошёл туда попроситься на ночлег. Его не пустили, сказали, что хозяин очень болен. Путник хотел уже уходить, но одна женщина пригласила его к себе.

— Ночуй у меня, — сказала она. А потом спросила:

— Откуда же ты?

— Ох, сударыня, если всё рассказывать, так и ночи не хватит.

— А ты рассказывай.

И начал рассказывать путник, как его женили, как три раза сгорел их дом, как они потом с женой разошлись.

— А где же твоя сумка? — спросила женщина.

— Да вот здесь.

Тогда женщина принесла половину перстня, приложила к другой половине, и перстень сросся. Так и узнали они друг друга. Ночью умер владелец усадьбы, и они остались его наследниками.

СОБАЧОНЫШ

оймали рыбаки щуку, рыбу-прожору. Большущая была рыба. Отнесли рыбаки эту щуку к барину. Стал повар варить её, варит и удивляется — такая она жирная. Отнёс повар кусок диковинной рыбы своей жене. Подали щуку к барскому столу. Ест барыня щуку да похваливает — такая она вкусная. Остатки выбросили сучке. Прошло некоторое время, и в один день родились сыновья у барыни, у кухарки и у сучки. Хорош барынин сын, кухаркин лучше его, а сучкин ещё лучше.

Вместе они росли, вместе их в науку отдали. Барынин сын учился хорошо, кухаркин — лучше его, а сучкин — ещё лучше. Выросли ребята, в силу вошли. Силён барынин сын, кухаркин сильнее его, а сучкин ещё сильнее. Жили они весело, беззаботно. Одно только омрачало их дружбу: сучкина сына звали Собачоным. Вот и говорит он своим товарищам:

— Пойдём, братцы, в свет, в такую сторону, где нас не знают. По крайней мере звать меня таким поганым именем не будут.

Подумали они и стали собираться в дорогу, булавы себе ковать. Барынин сын выковал себе оловянную булаву, кухаркин медную, а сучкин сын выковал железную. Куёт он её, куёт, выйдет на двор, попробует крепость. Подбросит её вверх под облака, а потом подставит колено. Первый раз ударилась булава о колено и разломилась пополам, второй раз только погнулась, а в третий раз осталась целёхонькой, только нога Собачоныша по колено в землю вошла.

Собрались и отправились в путь. Идут они да идут, зашли в такой дремучий лес, что и конца ему нет. Долго ходили по лесу, булавами дорогу себе прокладывали и наконец вышли на широкую поляну. Идут поляной и видят — стоит вдали дворец, огороженный каменной стеной. Подходят к воротам, а они крепкие, тяжёлые. Стали стучаться. Никто не подходит, не открывает ворот.

— Выбивай ворота! — сказал Собачоныш барынину сыну.

Тот ударил раза три, булава погнулась, а ворота и не тронулись.

— Постой-ка, я попробую, — сказал кухаркин сын и стал колотить в ворота булавой. Ворота не поддаются.

Разозлился Собачоныш да как хватит булавой в ворота, так они на куски рассыпались.

Вошли во двор, никого нигде нет, ни живой души. А добра много, целые табуны волов пасутся. Склады полны хлеба и разного продовольствия.

— Ну что ж, — говорит Собачоныш: — Нет никого, так мы хозяйничать здесь будем.

Поймал Собачоныш вола, зарезал его, снял шкуру, порезал тушу на куски, положил в котёл, огонь развёл и сварил мясо. Поели, потом постелили постели и легли спать.

На следующий день уговорились, что один из них останется дома обед готовить, а остальные пойдут осматривать эту диковинную усадьбу.

Установили, кому дома оставаться, а кому идти на прогулку.

Остался барынин сын, а двое других ушло.

Барынин сын принялся хозяйничать. Выбрал упитанного вола, зарезал, снял шкуру, тушу на куски порезал, в котёл положил, огонь развёл. Сварил мясо и ждёт товарищей, отдохнуть прилёг. И вот вдруг слышит, что кто-то в ворота стучится, и слышит голос:

— Отвори дверь в хату!

Глянул барынин сын в окошко и обомлел: стоит страшное — Сам Скокоть, борода в локоть, а нос в сажень!

— Отворяй дверь! — слышит барынин сын.

Голос такой властный. Оробел барынин сын, отворяет дверь.

— Пересади через порог!

Дрожит барынин сын, пересаживает чудовище через порог.

— Посади меня на скамейку.

Сажает.

— Дай пить и есть!

Подаёт.

Съел Сам Скокоть вола, выпил всё и давай лупить барынина сына. Избил его, схватил в охапку, бросил под лавку, а сам словно сквозь землю провалился.

Барынин сын отдышался, кое-как взобрался на постель, лежит, еле дышит.

Приходят товарищи. Видят — лежит барынин сын, стонет.

— Обед сготовил? — спрашивает Собачоныш.

— Нет, — отвечает, — нездоровится что-то мне.

Что же делать? Сами стали обед готовить.

На другой день остался дома кухаркин сын. Выбрал он вола получше, зарезал, тушу на куски порезал, в котёл положил,

огонь развёл. Поставил котёл на огонь, готовит обед товарищам. Сготовил. Ждёт их, а сам прилёг отдохнуть перед обедом. И вдруг — стук в дверь!

Выглянул кухаркин сын, страх охватил его: стоит чудовище, Сам Скокоть, борода в локоть, нос в сажень. Оробел кухаркин сын.

— Отвори! — кричит чудовище.

Отворил дверь.

— Пересади меня через порог!

Пересадил.

— Давай мне есть!

Подал всё, что наготовил.

Съел Сам Скокоть, а потом давай тузить кухаркина сына! Избил его, бросил под лавку, а сам исчез.

Возвратились товарищи — есть нечего.

— Заболел я, — оправдывается кухаркин сын.

— Что это на вас за болезнь напала, что мне приходится готовить обед на вас?

Пришлось и на этот раз сготовить обед.

На третий день остался дома Собачоныш, а товарищи его ушли, посмеиваясь, что и Собачонышу не миновать расправы. И действительно, как только он приготовил обед, явился Сам Скокоть, борода в локоть, нос в сажень. Стучит в дверь, кричит:

— Отворяй!

— Кого там нелёгкая принесла? — спрашивает Собачоныш.

— Отворяй, тебе говорят!

— Не велика персона, можешь отворить сам, дверь не заперта.

Отворил Сам Скокоть дверь, вошёл в комнату.

Как взглянул на него Собачоныш, так за бока ухватился, хохочет.

— Сколько я ни живу, а такой уродины не видал.

— Чего зубы скалишь, Собачий сын? — рассердился Сам Скокоть. Пришли в мой дом, моё добро едите и пьёте, да ещё ос-

корбляешь меня! Сажай меня за стол и давай кушать!

— Ах ты, чёртова образина! Буду я тебя ещё за стол сажать, обед на тебя готовить! Околеешь ты, пока я тебе служить буду, а вот я тебе покажу, как называть меня собачьим сыном!

Схватил Собачоныш со стола булаву и давай биться с Сам Скокотом: Собачоныш булавой, а Сам Скокоть головой. И так крепко друг дружку лупят, что стены дрожат. Видит Сам Скокоть, что не одолеть ему Собачоныша, ухватился за булаву и провалился вместе с ней сквозь землю. Осталась одна только дыра, да грохот пошёл кругом. Хотел броситься за ним и Собачоныш, да передумал: надо товарищей подождать, посоветоваться с ними.

Скоро и они пришли. Смотрят на Собачоныша, посмеиваются, друг дружке подмигивают.

— Ну, что — приготовил обед? — спрашивают.

— Приготовить обед — не хитрая штука. И вы его готовили, но кто его ел? А я вот хоть булаву потерял, но обеда не отдал этому чёртову племени, что приходило сюда и болезни вам приносило. Вон полон котёл мяса. Садитесь и кушайте. Живите здесь, одни, пока я не возвращусь. Пойду свою булаву добывать. Иль сам голову сложу, иль эту погань доконаю.

После обеда стал Собачоныш в дорогу собираться. Зарезали несколько волов, а с их шкур стали кроить пасы да сшивать. Сшили такой длины, чтоб достал дна преисподней, куда Сам Скокоть провалился. Привязали к одному концу кожаного паса корзину. Сел Собачоныш в корзину, а товарищи его спускают осторожно.

— Когда я потяну за пас, тогда вы тащите. Сидите здесь поочерёдно, караульте.

Долго опускался Собачоныш. Наконец корзина остановилась. Вылез из корзины, осмотрелся. Он очутился в огромной пещере, которой, казалось, не было конца.

Над пещерой высоко-высоко свисала земля, как небо над землёй. Долго бродил Собачоныш в этом безлюдье. Наконец увидел замок. Пошёл туда. Увидел ворота и вход в замок. Вошёл в первую комнату. Сидит в ней девица-красавица, шьёт, а сама грустная. Подняла глаза на Собачоныша, лицо её повеселело, засмеялась.

— Здравствуй, Сучкин Сын!

— Ах, чтоб вас!.. — разозлился Собачоныш. — И какой чёрт вам вести приносит, как кого зовут.

— Не сердись на меня, — говорит ему девушка, — без меня не только не найти твоей булавы, но не вынести и головы, а как звать тебя, мне сказал не чёрт, а мой отец Сам Скокоть. Он еле очухался после драки с тобой и обещал задать тебе такую баню, чтоб ты до новых веников помнил. Но ты слушай меня, так останешься цел. А теперь иди к моим сёстрам и отцу.

Поблагодарил её Собачоныш и пошёл дальше. Разыскал двух старших дочерей Сам Скокотя. Их отец любил больше, чем младшую дочь, и содержал их лучше.

Как только Собачоныш ступил на порог, они сейчас же закричали:

— Сучкин сын! Собачонка!

— Ах, чтоб вам язык отсох! Зачем ругаетесь?!

— Ты не сердись, собаченятко, мы доложим отцу, что ты пришёл, а он уж с тобой поквитается.

И пошли к Сам Скокотю.

Выходит и он.

— Здоров, здоров, собакин сын! Ты всё же пришёл за своей булавой. Я так и знал и ждал тебя. Но булаву ты получишь тогда, когда попаришься со мною в бане.

— Хорошо, — говорит Собачоныш, — помыться готов с удовольствием, но прежде возврати мне булаву.

— Получишь, получишь и булаву, но она едва ли тебе пригодится. А сейчас, пока нам баню истопят, погости у меня.

И ушёл Сам Скокоть к младшей дочери, приказал ей нато-

пить баню и поставить с правой стороны бочку с водой-живицей, а слева бочку с водой-мертвицей.

Натопила младшая дочь баню и поставила две бочки, одну справа, а другую слева. Но в бочку слева налила воды-живицы, а в другую — воды-мертвицы. Потом тайком пришла к Собачонышу и сказала:

— Будет мой отец драться с тобой в бане и когда обессилеет, он пойдёт окунуться в бочку с водой, что стоит справа, думая, что там вода-живица, а ты полощись в бочке, что стоит слева: я налила в неё воды-живицы. Ты и одолеешь моего отца. Да смотри, меня не забудь.

Ушла и доложила, что баня готова.

Сам Скокоть и Собачоныш пошли в баню. Залезли на верхнюю полку, и когда их хорошенько разогрел пар, Сам Скокоть стащил Собачоныша вниз и бросился на него. Долго бились они, обессилели. Кинулся Сам Скокоть в кадушку направо, а Собачоныш в бочку налево. Сам Скокоть ослабел ещё больше, а у Собачоныша сил прибавилось вдвое. И снова начали биться. Сам Скокоть слабеет всё больше и больше.

— Дай, — говорит, — окунёмся в холодной воде.

И снова полез в свою бочку, но силы его ещё более ослабели. Ещё дрались, ещё раз полез Сам Скокоть в бочку с водой, но уже вылезть из неё не может.

— Перенеси меня в бочку налево, — говорит он Собачонышу. Понял, что бочки переменили.

— Нет, уж погибай, уродина, тут! — сказал Собачоныш и придавил Сам Скокотя. Потом вырыл яму возле печки, бросил туда труп страшилища, зарыл, а сверху камней накла.

А сам взял булаву, пошёл в замок. Разыскал дочь Сам Скокотя.

— Спасибо тебе, что помогла одолеть эту нечистую силу. Если хочешь, возьму тебя замуж и отвезу тебя на наш свет.

Она охотно согласилась. И стали они собираться в путь.

«Захвачу заодно и старших сестёр, пусть будут жёнами моих товарищей», — думает Собачоныш.

Подошли к корзине. Посадили старшую сестру. Потом отправили среднюю. Наконец переправили и младшую. Прошло некоторое время. Корзина не появляется. Долго стоял Собачоныш, а корзины всё нет.

— Изменили мне товарищи, бросили одного. Придётся погибнуть, — горюет Собачоныш.

Но погибать не хочется. Пошёл он бродить по пустынному месту. Вдалеке виднеется лес. Пошёл он к лесу. Где-то словно гром погромыхивает. Надвигается туча. Он спешит к лесу. Как только вошёл в лес, разразилась гроза. Молния сверкает. Удар грома следует за ударом. Пошёл дождь, а потом град, да такой крупный, в яблоко величиной градина. Остановился Собачоныш под развесистым деревом. Смотрит — внизу под деревом птичье гнездо, а в гнезде птенцы ещё совсем голые, но очень большие, больше старых гусей. Жалко стало птенцов. Снял он сермягу и прикрыл их, чтоб градом не убило. Град прошёл. И вдруг что-то зашумело над лесом, и сразу потемнело. Посмотрел Собачоныш — летит огромная птица и опускается под дерево. Видит — её птенцы сермягой накрыты и все живы. Обрадовалась мать птенцов.

— Ты спас моих детей. Отблагодарю тебя, чем ты захочешь, — говорит она Собачонышу.

Обрадовался Собачоныш и говорит:

— Самую большую услугу окажешь ты мне, если переправишь меня на нашу землю.

— Хорошо, — говорит птица, — только ты запаси в дорогу кадку мяса да кадку воды, иначе я не долечу с тобой — ты тяжёлый.

Пошёл Собачоныш ловить птиц и зверей. Насолил целую кадку мяса и взял кадку воды. Когда всё было готово, он поставил кадку с мясом на одно крыло птицы, кадку с водой на другое,

а сам уселся посредине. И они полетели.

Долго летит птица, а земля далеко. Повернёт она голову направо, Собачоныш положит ей в клюв мяса, повернёт налево, даст ковш воды. К концу подходит мясо, а земли не видно. Отдал он и последний кусок, а земли нет. Выбивается птица из сил, машет крыльями, подняться выше не может. Поворачивает голову, требует мяса. Он даёт ей воды. Не берёт птица воды. Тогда Собачоныш вынул нож, отрезал мягкую часть ноги и положил в клюв птице. Приняла птица мясо, только искоса посмотрела на своего седока. Ещё поворачивает голову, просит мяса. Отрезал он часть другой ноги. Наконец птица опустилась на землю.

— Слезай, — говорит, — ты на земле.

— Не могу слезть — ноги в ранах.

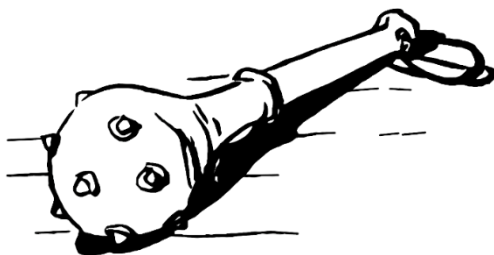
Тогда птица каркнула два раза и выбросила отрезанные части ног.

— То-то я смотрю, что мясо сладкое. Прикладывай куски к ранам.

Приложил Собачоныш вырезанные мякоти ног к своим местам, и они срослись. Слез с птицы, поблагодарил её, а сам пошёл разыскивать своих неверных товарищей. Разыскал. Они со своими жёнами похаживают, а его невесту в загоне держат. Разозлился Собачоныш.

— Так вот какие вы товарищи! Бросили меня одного на гибель!

И давай их дубасить по чём попало. Хотел убить и бросить в ту дыру, в которую Сам Скокоть провалился. Но отошла его злость, и он пощадил их. Пошёл к своей прекрасной невесте, утешил и обрадовал её. И взял её себе в жёны.

ДИВО

ил на свете бедный мужичок. Он да жена. Не было у них ничего, и они часто голодали. Вот и надумал бедняк отправиться в свет, не найдёт ли какого способа к жизни. Идёт день, идёт другой. Зашёл в лес. День кончается, начинает темнеть. Увидел в лесу хатку и решил зайти в неё. В хатке сидел один старик. Просится бедняк ночевать.

— Ночуй, — говорит старик.

Снял мужичок шапку, сермяжку повесил на гвоздь и присел на лавку. Сидят, разговаривают. Смотрит бедняк на стол. На столе пусто, ни куска хлеба.

— Ну что же, мой руки да садись за стол, будем ужинать, — говорит старик.

Помыли руки, за пустой стол сели. И вдруг старик говорит:

— Диво, иди в хату живо! Сечися, рубайся, в горшок накладся, к огню приставляйся, на стол подавайся!

И видит мужичок — входит в хатку какая-то диковинная

птица вроде индюка. Сама зарезалась, сама оскублась, в горшок положилась, к огню приставилась и сама себя на стол подала.

— Кушай, — говорит старик, — только костей не грызи и не ломай.

Съели они мясо, кости на стол положили, а хозяин сказал: — Диво, собирайся да за дверь выбирайся!

Диво собралось, соскочило со стола и пошло за порог.

Удивился мужичок. Захотелось ему иметь такое диво. Он и говорит старику:

— Если бы у меня было много денег, не пожалел бы их, чтобы купить такое диво.

Хозяин отвечает:

— За деньги не продаю, а доброму человеку даром отдам.

И отдал мужичку диво. Взял бедняк диво, понёс домой. Пришёл домой, позвал жену.

— Вот принёс я диво. Ты только растопи печку, а сама садись за стол да смотри, что будет.

Растопила жена печь и села с мужем за стол. Мужичок и говорит:

— Диво, иди в хату живо! Сечися, рубайся, в горшок накладйся, к огню приставляйся, на стол подавайся!

Диво входит, само зарезалось, оскублось, в горшок положилось, к огню приставилось, сварилось и само себя на стол поставило. Покушали мужик с женой, кости на стол положили. Хозяин сказал:

— Диво, собирайся, за порог выбирайся!

Собрало диво свои кости и пошло за порог.

Пошёл мужик в лес дрова рубить. Дома осталась жена. Приходит к ней поп, просит, чтоб она пришла к нему бельё постирать. Вот она и хвалится:

— Ох, батюшка, какое у нас есть диво! Вот садись за стол.

Сели за стол. Жена и говорит:

— Диво, иди в хату живо!

А диво не идёт.

Ещё раз позвали, диво не слушается. Разозлилась женщина, взяла кочергу и вышла в сени, кричит там:

— Не слушаешься! Вот я тебе покажу!

И хватъ диво кочергой! Кочерга приросла к диву, а женщина к кочерге. Кричит она во всё горло:

— Ой, батюшка, спасай!

Выбежал поп в сени, обнял бабу и хочет её от кочерги оторвать. Но сам прирос к женщине и не может от неё оторваться.

Приходит дьячок.

— Что же ты, батя, так долго засиделся? Пора в церковь.

— Видишь, что не могу оторваться, — отвечает поп.

Взялся дьячок за попу, чтоб от бабы оторвать, и сам к попу прилип. Пришёл староста и тоже стал спасать попу. Но и он к попу прирос. Прибежала матушка. Поп кричит, чтоб она не подходила.

— Иди, — говорит, — позови шептуху.

Пришла шептуха, пошептала и за кочергу взялась. Прилипла к кочерге и шептуха. Раскрыло диво дверь во двор и потащило всех в лес. Тащит оно их через мост на болото. Выбегает из-под моста чёрт.

— Оторву тебя, — говорит чёрт попу, — только ты пусти меня за царские двери.

— Пущу, — говорит поп, — только оторви.

Взялся чёрт отрывать попу, но и сам к попу прирос. Тащит их диво всех в лес, прямо к хозяину. Вырубил мужик шесть дубин, самую увесистую на чёрта, и давай колотить его по бокам, по рогам, по копытам. Колотит и приговаривает:

— Будешь ты народ смущать да всякие бесовские штуки выделывать?!

Долго бил он чёрта. Наконец взялся за кочергу, и чёрт отстал. Пустился он бежать во весь дух, добежал до болота и под

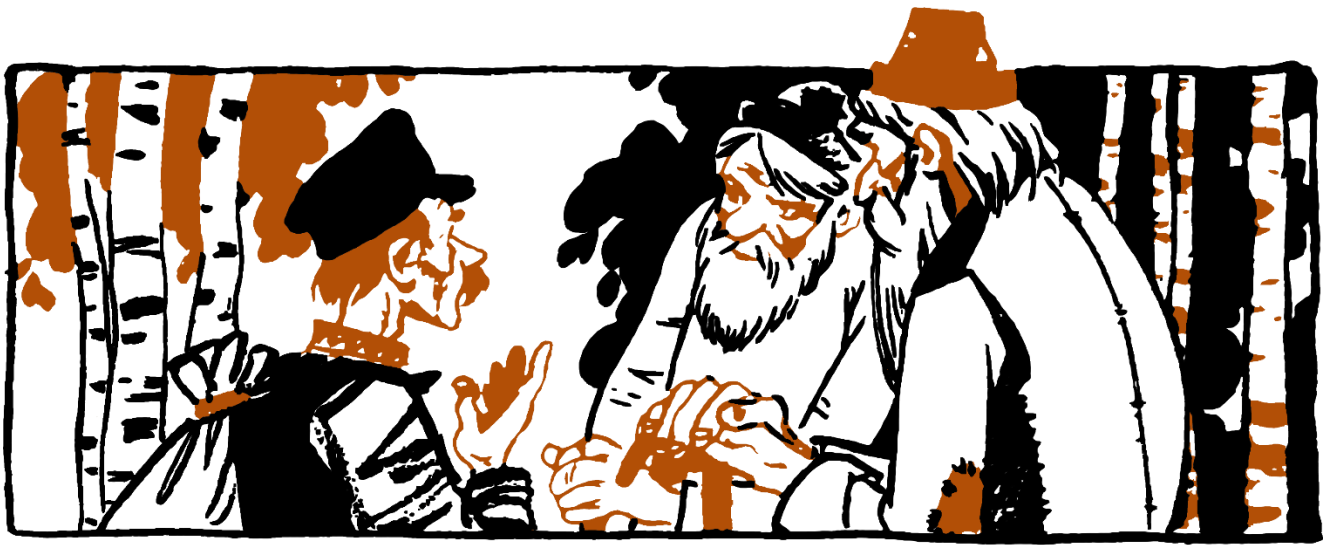
кочкой провалился. Пришла очередь и до попа. Мужик тоже не пожалел для него дубинки.

— Отец святой, посчитаюсь и с тобой, не ходи за чужой женой, мужу во вред, когда мужа дома нет.

Оторвал попа. Побежал поп так, что только колтуны на голове трясутся, да ряса по ветру развевается.

Всех, каждого по заслугам, угостил мужик дубинкой. Все разбежались. Остались только он, жена да диво. Возвратились домой и живут припеваючи.

САПОЖНИК И РЫБАК

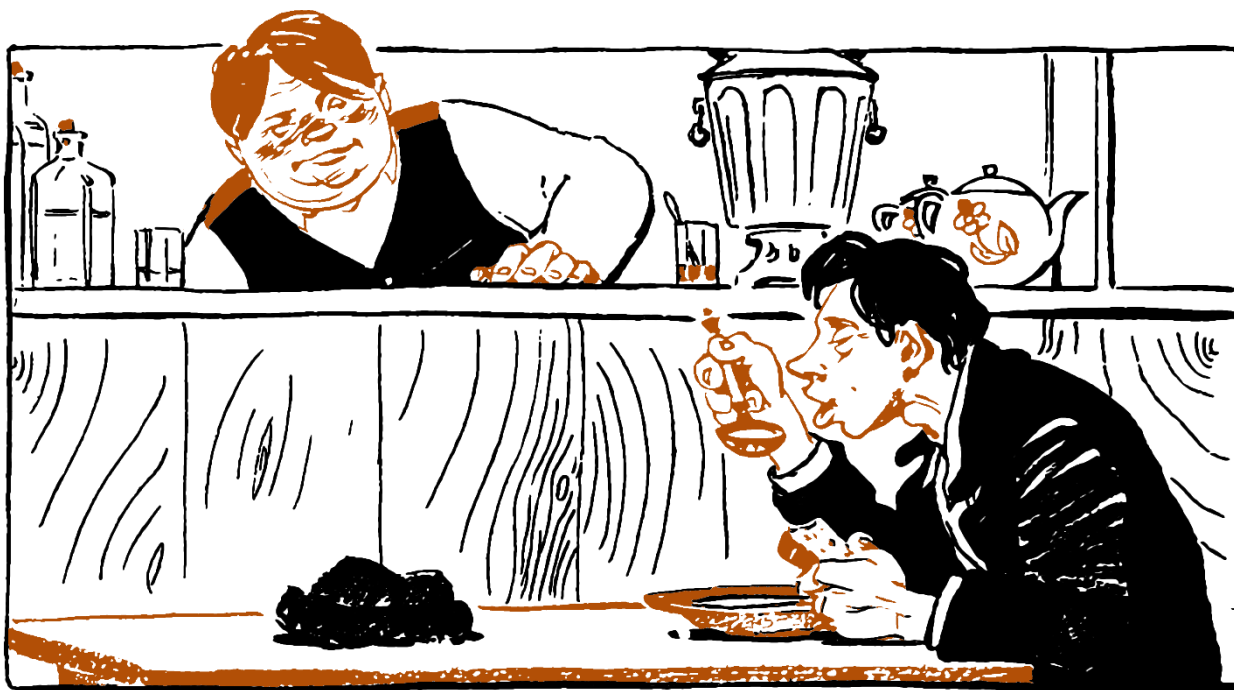

Жил в селе бедняк-сапожник. Семья у него была большая, а заработки малые. Пошёл однажды сапожник в дальнее село, чтоб подработать немного. В дороге он встретил двух прохожих. Расспросили сапожника, куда идёт, как живёт. Рассказал сапожник всё и на свою бедность пожаловался. Дали ему прохожие сто рублей. Обрадовался сапожник. Таких денег он никогда в жизни не имел. Возвратился он домой, купил хлеба, обновок жене и детям. Осталось ещё много денег. Он спрятал их в мякине. Приехал в село гончар, привёз целый воз горшков. Жена сапожника пошла покупать горшок. Денег у неё не было. Она взяла мякины и выменяла на неё горшок. А в той мякине сапожник спрятал деньги. Узнал об этом сапожник и очень убивался, и горевал. Не знала жена, что в мякине были деньги спрятаны.

Снова собрался сапожник в дорогу и опять встретил тех же прохожих. Рассказал обо всём. Пожалели они сапожника и ещё

дали ему сто рублей. Купил сапожник в городе хлеба, мяса. Осталось ещё много денег. Он зашил их в шапку и отправился домой. Когда он шёл, ворон услышал запах мяса. Подлетел к сапожнику и бросился на него, чтобы вырвать из рук мясо, но промахнулся и только успел сорвать шапку с головы. Сорвал и понёс шапку в своё гнездо. Погоревал сапожник и пошёл в дорогу. Идёт он, встречает прохожих. Опять рассказал он про свою неудачу. Дали ему прохожие кусок олова. Принёс сапожник олово домой и бросил его под лавку. Зашёл к нему рыбак. Увидел олово и просит сапожника отдать его ему. Обещал рыбак первую рыбу, которую он поймает, отдать сапожнику. Сапожнику олово не нужно. Отдал его рыбаку. На другой день приходит к нему рыбак, приносит пойманную рыбу. Жена сапожника почистила рыбу, распотрошила её и нашла в потрохах дорогой бриллиант. Продал сапожник бриллиант, а на вырученные деньги построил себе хороший дом и зажил богато.

РЫЖИЙ И ЛЫСЫЙ

тарик отец говорил сыну:

— Остерегайся, сынок, рыжих и лысых людей, потому что рыжий хитёр и коварен, а лысый очень умён. Они могут подвести тебя так, что ты и не вернешься.

Прошло некоторое время, умер старик отец, а сын и забыл отцовские слова о рыжих и лысых. Досталось ему от отца двести рублей. Взял он эти деньги и поехал на ярмарку за покупками. По дороге в город он остановился в харчевне, чтоб перекусить. Хозяин харчевни был рыжий человек.

— Нет ли у тебя чего-нибудь покушать? — спрашивает проезжий.

Налил ему рыжий целую лохань щавелевой похлёбки.

Сел проезжий за стол, ест похлёбку, ест и похваливает:
— Какой вкусный щавель — одна ложка рубль стоит.

Ест проезжий, а хозяин сидит да тихонько что-то под столом отмечает.

Покушал проезжий и спрашивает:

— Сколько стоит похлёбка?

— Двести рублей, — отвечает рыжий.

— Как — двести рублей?! — удивился проезжий.

— Да очень просто, — отвечает рыжий. — Сам ты сказал, что ложка щавеля стоит рубль, а ты съел двести ложек. — И переворачивает стол, где он отмечал мелком каждую ложку щавеля.

«Ах, чтоб ты провалился, — думает проезжий, — правду говорил отец: с рыжим не связывайся». Как он ни спорил, а пришлось отдать двести рублей.

В досаде, чуть не плача, поехал он домой с пустыми руками. Едет и видит — навстречу катит бричка на паре лошадей. В бричке сидит пан, дремлет. Шляпа съехала с головы. Макушка головы совсем голая и блестит против солнца, как гороховый блин. Как только увидел его наш проезжий, сразу же повернул в сторону коня и погнал его кнутом подальше от лысого пана. «Рыжий забрал деньги, а этот может отнять коня и телегу», — думает напуганный крестьянин.

Увидел пан, что мужик забеспокоился и удирает, говорит кучеру:

— А ну-ка догоняй его! Очевидно, краденое везёт, удирает.

Кучер обогнал крестьянина и повернул бричку поперёк дороги.

— Ты почему удирал? — спрашивает пан. — Что уворовал? Вывёртывался наш крестьянин и так и этак и, наконец, рассказал всё: и что говорил ему отец о рыжих и лысых и как облапошил его рыжий хозяин харчевни.

— Поедем со мной к рыжему, я верну тебе твои деньги.

Повернули лошадей обратно и поехали.

Вошли в харчевню. На столе в харчевне лежала телячья лопатка. Посмотрел пан на эту лопатку, подзывает рыжего и хлопает по его плечу.

— Сколько стоит твоя лопатка?

Хозяин подумал, что пан спрашивает про телячью лопатку.

— Пять рублей, — отвечает.

Вынул пан из кошелька пять рублей и отдал рыжему, потом взял нож и говорит ему:

— Снимай кафтан, не буду его портить, потому что я не покупал его. Дай-ка голую лопатку.

Вертелся рыжий, вертелся и вынужден был вернуть двести рублей, да ещё половину доплатить.

Поблагодарил крестьянин пана и сказал:

— Дай бог, чтоб со всех голов повылезали волосы и чтоб они были голые, как колени.

И поехал домой.

«ОТДАЙ МНЕ ТО, ЧТО В ДОМЕ НЕИЗВЕСТНО»

Возвращался домой с ярмарки один богатый человек. Много прошло времени с тех пор, как он выехал из дому. Путь был очень долгий. В пути застигла его ночь. Место было пустынное, дикое. Нигде ни селений, ни живой души.

Выбрал путник место посуше да повыше, распряг лошадь и расположился на ночлег. Утомлённый долгой ездой, он скоро уснул крепким сном. Когда же к утру он проснулся, то увидел кругом бушующее море воды. Волны яростно набегали на крошечный островок, где сидел путник да стояла повозка с лошадью. С каждым мгновением вода всё прибывала, угрожая совсем залить островок и сделать его дном бушующего океана.

«Погиб, погиб я тут, — думал в отчаянии путник. И вдруг он взглянул и увидел — едет в лодке неизвестный человек.

— Будь другом, добрый человек, спаси меня! — взмолился путник.

Лодка повернула к острову, но к берегу не пристала.

— Хорошо, — ответил человек с лодки, — я спасу тебя, но не даром. Что же ты мне дашь за своё спасение?

— Всё, что ты пожелаешь и что только могу дать.

— Много я не возьму: отдай мне то, что в твоём доме тебе неизвестно.

Подумал, подумал путник. Что же ему неизвестно? Он мысленно осмотрел всё, что было самого дорогого и ценного в его доме.

— Хорошо, — ответил он, — отдам тебе то, что неизвестно дома, только спаси.

— Одного словесного согласия мне мало. Давай напишем договор, — возразил неизвестный человек. — Возьми кусочек кожи, разрежь мизинец и напиши кровью своё согласие.

Так путник и сделал. Как только подписанный кусочек кожи очутился в лодке, неизвестный человек дико захохотал, и все исчезло: бушующее море воды и лодка вместе с неизвестным человеком.

Ещё страшнее стало путнику. Острая тревога охватила его сердце. Он запряг лошадь и погнал её, торопясь как можно скорее приехать домой. Вот, наконец, и дом его. Вошёл в дом. Видит — посторонние люди, а жены нет.

— Что нового в доме? — спросил возвратившийся хозяин.

— Новость хорошая, — ответили ему, — жена твоя родила только что прекрасного сына.

Помутились мысли у отца. Он был бездетным и так тосковал о детях, о сыне. И вот сын родился, а он продал его злому волшебнику!

Между тем время шло. Юрий — так называли сына — был крепкий, здоровый мальчуган, быстро рос, развивался, и в науке был очень способен. Люди радовались, глядя на него, и завидовали его отцу и матери. А отец всё больше и больше тосковал, но молчал, никому ничего не говорил.

Заметил сын, что с отцом что-то неладно.

— Скажи, тятя, чем ты недоволен мной? Ты так невесело смотришь, как будто не любишь меня.

Тяжело вздохнул отец, но ничего не ответил сыну.

— Разве я не сын твой? — не отступал Юрий.

— Да, сынок, ты не мой: я продал тебя злому волшебнику, когда ты ещё на свет не родился.

И рассказал всё как было.

Опечалился сын.

— Что ж, — сказал он, — никто в этом не виноват. Виноват злой чародей. И мне остаётся только идти к нему. Или погибну, или уничтожу запродажную запись.

И стал собираться в дорогу. Сделал себе лук, настрогал стрел, взял хлеба, кусок сала, бельё да денег немного и, никому не сказав, тихонько ушёл ночью из дому.

Долго ли, коротко ли он шёл, но пришёл он на берег красивой, серебристой речки. Место было чудесное, и он решил остановиться здесь, отдохнуть. Сел на жёлтенький песочек в тени под развесистым дубом.

Развязал сумку, достал хлеб и сало. Сидит, закусывает да любуется красотой местности. И вот видит он — летят над головой утки, двенадцать штук. Юрий взял лук и хотел пустить в них стрелу, но утки быстро опустились на землю и обратились в двенадцать прекрасных девушек, очень похожих одна на другую. Девушки разделись и бросились в реку, чтобы покупаться. Юрий осторожно подкрался и взял одежду одной девушки и спрятался. Выкупавшись, девушки вышли на берег и только тут заметили, что одной из них не хватает платья. Искали, но не нашли.

Одиннадцать девушек оделись, обратились в уток и улетели. А девушка, у которой было похищено платье, осталась одна. Сидит и плачет.

Наконец она стала громко просить:

— Откликнись тот, кто взял мою одежду! Если ты старше меня, будешь дядей мне. Если моложе меня, будешь брат мой.

А коли ровесник мой, будешь милым моим другом.

Бросил ей Юрий платье. Девушка оделась. Тогда подошёл к ней Юрий. Подсчитали свои года — ровесники.

Расспрашивает девушка Юрия, кто он, откуда пришёл.

Всё рассказал о себе Юрий.

— Так ты, верно, идёшь к моему отцу. Если так, то я буду помогать тебе, а без меня ты пропадёшь, — сказала девушка и, обратившись в утку, полетела догонять своих сестёр.

Пошёл Юрий в ту сторону, куда полетела утка. Долго шёл он. И наконец приходит в мрачный замок, построенный между гор и ущелий. Подошёл Юрий к воротам замка и стал стучать. Ворота раскрылись, и Юрий увидел перед собой человека в богатом царском одеянии.

— Что тебе надо? — спрашивает он.

— Да вот ищу своего хозяина. Продал меня отец ему, когда я на свет ещё не родился. Не ты ли мой хозяин?

— Так, хозяин твой я. Уж я хотел за тобой гонцов посылать. Ты уже взрослый, и тебе время служить мне. А ты и сам пришёл. За это хвалю тебя.

— Прошу прощения, хозяин: а есть ли у тебя запись моего отца?

— Есть, есть запись: ты мой вместе со своей кожей. Если ты будешь служить мне верно, отдам тебе запись и выпущу на волю. А если не исполнишь моих приказаний, так с живого кожу сдеру. Вот тебе первая работа: за эту ночь ты должен вспахать поле, засеять пшеницей, сжать её, обмолотить, смолоть, а к утру напечь мне пирогов. Сделаешь — пойдёшь на волю...

Сказал и ушёл в свои хоромы.

— Вот так задача! — сказал себе Юрий: — Многому учился я, а как выполнить эту работу, не знаю.

Опечалился парень и пошёл бродить по двору. Зашёл на самый конец двора. Видит — маленькая хатёнка стоит. И вдруг слышит голос из окошка:

— Юрий, Юрий! А обо мне ты позабыл? Я помогу тебе.

Взглянул Юрий и увидел ту девушку, у которой он одежду похитил. Обрадовался юноша. Вошёл в хатёнку и радостно поздоровался с доброй девушкой и рассказал ей, какую работу предстоит ему сделать. Выслушала девушка внимательно всё, что сказал ей Юрий.

— Не беспокойся, всё будет сделано. Я помогу тебе, а ты иди отдыхай: ведь ты устал с дороги.

Обрадованный и ободрённый Юрий ушёл отдыхать.

В полночь добрая девушка вышла на крыльцо с прутиком в руках. Махнула три раза прутиком, и вмиг появились тридцать молодцев, все как на подбор. Девушка сказала, что надо им сделать. Закипела работа: одни пашут, другие сеют. Пшеница растёт. Её сжинают, обмолачивают, мелют, расчиняют тесто, пекут пироги. К утру вся работа сделана.

Проснулся Юрий, и первая мысль его — есть ли пироги? Взглянул — пироги готовы, — румяные, ароматные, а возле них сидит подружка его.

— Не беспокойся, — говорит, — всё сделано. Неси их только к столу.

Показала она ему и то место, где пшеница росла, где сложена солома, чтоб он всё знал на тот случай, если чародей не поверит, что всё это сделал Юрий. Поблагодарил он девушку, взял пироги и понёс хозяину.

Вышел чародей.

— Готовы, хозяин, пироги. Как приказано, так и сделано.

Посмотрел чародей на пироги, понюхал, попробовал, — ни к чему не придраться.

— Ну, хорошо, Юрий. Работник ты, я вижу, не из плохих, видно, что был в науках. А я уж думал, что быть твоей коже в работе. Да уж если ты такой мастер, то я за тебя дочь свою выдам. У меня их двенадцать, и все на выданье. Выбирай любую. Какая понравится, та и твоя.

Но дело только вот в чём: нет у меня свободного помещения для молодых. Но это не беда: ты человек учёный. Так вот построй за ночь дворец, да такой, чтоб в нём было столько комнат, сколько дней в году, чтоб потолок в нём был, как небо, чтоб с него солнце светило, чтоб сверкали звёзды и сиял месяц, чтоб вокруг дворца протекала река и чтоб через реку был мост, а в нём серебряная и золотая мостовины. А над мостом чтоб радуга стояла, опершись обоими концами в реку. Одним словом, чтоб не стыдно было людям показать. Построишь такой дворец, будешь зятем, а нет — на себя пеняй. Уж таков мой характер: милость, так милость, а гнев, так гнев. А теперь ступай.

Ещё больше запечалился Юрий. Как выполнить такую задачу? Опять пошёл он ходить по двору. Зашёл в хату к своему другу-девушке. Рассказал ей обо всём.

— Не печалься, всё будет сделано. К сроку будет готово, а ты сейчас ходи по двору, присматривайся да прикидывай, словно ты выбираешь место, где и что строить.

Он так и сделал. До вечера бродил по двору, присматривался, прикидывал, соображал. А вечером тихонько пошёл к своему другу. До полночи было далеко. Они разговорились.

— А почему ты живёшь в этой хатке, в одиночестве, тогда как твои сёстры живут во дворце? — спрашивает её Юрий.

— А потому меня на задворки загнали, что у меня матери нет, а есть мачеха. Она со своими дочками во дворце роскошествует, а меня здесь поселили.

Так они разговаривали до самой полночи. В полночь девушка встала, вышла на крыльцо, махнула три раза прутиком. Явились те же молодцы, стоят, ждут приказа. И говорит им девушка:

— Постройте за ночь дворец, чтоб в нём было столько комнат, сколько дней в году, чтоб потолок был как небо, на котором светило бы солнце, сверкали звёзды и сиял месяц, чтоб дворец окружала река. И постройте на реке мост, чтоб мостовины в нём

были золотые и серебряные, а через мост чтоб перекинулась радуга и концами в реку упиралась.

Только сказала она, и закипела работа: тот пилит, тот рубит, тот строгает; другие кирпичи делают, камни подносят. К утру дворец был готов. Как сказано, так и сделано.

Утром Юрий вышел во двор. Глянул и залюбовался: стоит чудесный дворец, башни под облака уходят. Над дворцом радуга играет, мост огнём горит. На потолок взглянул — едва не ослеп: так светит солнце. А как сияют звёзды! Стал Юрий на мосту, хозяина ждёт. Приходит и хозяин. Смотрит, любит.

— Молодец, Юрий, достоин моей дочери. Нечего сказать — постарался. Что ж, не для кого, для себя. А пока будет свадьба, ещё дам тебе одну работу. Есть у меня конь. Цены ему нет. Но он не объезжен. Объезди его к свадьбе.

— Хорошо, объезжу, — говорит Юрий.

Между тем на чудесный дворец пришла посмотреть и мачеха со своими одиннадцатью дочерьми. А когда те узнали, что отец обещал выдать замуж за мастера одну из своих дочерей, то каждой из них захотелось выйти за него замуж. И особенно мачеха хотела выдать за него замуж одну из своих дочерей. А когда уж стемнело, Юрий тихонько пошёл к своему другу-девушке. Рассказал ей, какую ещё работу велел ему сделать её отец.

— Но этой работы я не боюсь: объездить коня сумею, — бодро сказал он.

— Не хвались заранее, — ответила ему девушка, — эта работа самая трудная, потому что лошадь эта не настоящая: в лошадь обернётся сам отец. Он не верит, что всё, что сделано, сделано тобой, и хочет тебя погубить. Но и здесь я помогу тебе. А теперь пока иди отдохни.

Утром девушка разбудила Юрия и дала ему волшебный прутик.

— Если конь будет угрожать тебе, ты бей его этим прутиком меж ушей.

Взял Юрий волшебный прутик и пошёл в конюшню. Стоит конь, золотая шерстинка, серебряная шерстинка. Глаза огнём горят, из ноздрей пламя бьёт, из ушей дым идёт. Жарко, подойти нельзя к коню. Сделал Юрий палочкой круг около себя и уже не чувствует жары. Подошёл к коню — конь на дыбы поднялся да так заржал, что вся конюшня задрожала. Ударил Юрий прутиком коня меж ушей, конь на колени упал. Юрий быстро вскочил на коня, сел верхом. А конь снова на дыбы и чуть не сбросил Юрия. Но Юрий не зевает: хлещет коня по голове. Конь под ним танцует, а Юрий не жалеет прутика, бьёт коня по голове. Выскочил конь из конюшни, пустился бежать во всю прыть, чуть-чуть земли дотрагиваясь, и всё норовит сбросить седока, чтоб раздавить его копытами. Но Юрий сидит крепко на коне да всё постёгивает его прутиком. Бежал конь по горам, по лесам, по болотам. Наконец выбился из сил и повернул домой. Поставил его Юрий в конюшню, а сам пошёл по двору бродить. А потом тихонько к своей милой пошёл. Обрадовалась девушка:

— Ну, видно, хорошую баню задал ты коню, если жив остался.

Назавтра от чародея посланец приходит, зовёт девушку к отцу.

— Будь и ты готов, скоро и тебя позовут, — сказала она Юрию, — тебе скажут выбирать жену. Все мы похожи одна на одну. Если хочешь выбирать меня, то выбирай ту, у которой будет сидеть муха на лбу.

И действительно, позвали и Юрия. Встретил его чародей с повязанным лбом.

— Ну, мой зять, выбирай себе жену. Которая понравится тебе, та и будет твоей.

И повёл Юрия в большую залу. А в ней стоят двенадцать девушек — и все, как одна. Всматривается Юрий в каждую из них. Увидел муху на лбу у одной красавицы. Подошёл к ней, взял её за руку.

— Вот моя жена, — сказал он.

— Эта так эта, — ответил чародей. — У меня дети все равны. Живите счастливо.

Позеленела мачеха от злости и затаила злобу против падчерицы и Юрия.

А Юрий и избранная им девушка отправились в свою хатку в ожидании свадьбы.

— Отдохнём сейчас и будем в дорогу собираться: надо удирать отсюда, потому что мачеха погубит нас.

Отдохнули, а в полночь собрались в дорогу. Перед выходом девушка плюнула в каждый угол и велела сделать это и Юрию. Собрались и тихонько ушли.

На другой день ждут молодых, а они не приходят. Посылают гонцов.

— Вставайте, — говорят посланные.

— Сейчас встанем, — отвечает им слюна.

Время идёт, молодые не являются. Опять посылают за ними.

— Одеваемся, — отвечает слюна.

Наконец и в третий раз приходят слуги.

— Умываемся, — услышали ответ из-за двери.

А в четвёртый раз уже никто не отозвался: слюна высохла.

Взломали дверь. Видят — хата пуста.

Разозлился чародей и посылает за беглецами погоню. А те уж далеко ушли, но погоня всё-таки настигает их. Услышали топот конских копыт.

Махнула девушка прутиком и обратилась в овцу, а Юрия обернула в пастуха. Нагнали их гонцы, спрашивают у пастуха:

— Не видал ли ты, как здесь проходили мужчина с женщиной?

— Нет, — ответил Юрий, — здесь я уж много дней пасу, но мужчины с женщиной не видел.

Гонцы порыскали, поискали, да так и не нашли их. Возвратились и говорят, что беглецов нигде нет, что видели лишь пастуха с овцой.

— Это они и были! — закричала мачеха. — Бегите, ловите их.

Бросились гонцы снова в погоню, снова догоняют беглецов. Тогда девушка сделалась садом, а Юрия обернула в садовника.

Подъезжает погоня, спрашивает садовника:

— Не видал ли мужчины с женщиной?

— Нет, — отвечает Юрий, — их не было здесь.

— А не шёл ли пастух с овцой?

— Нет, не шёл.

Снова ни с чем возвращаются гонцы, рассказывают, что встретили только садовника в саду, но садовник никого не видел.

— Дураки вы, — закричал на них чародей, — садовник и сад это они были! Надо было рубить их топорами.

На этот раз погнался в погоню сам чародей.

Немного не дошли путники до дому.

— За нами гонится мой отец. Надо хоть тебя спасать.

И обернулась девушка в реку, а Юрия сделала рыболовом.

Набежали гонцы и стали реку топорами рубить.

Покраснела река, всплыла кровью. А Юрий стоит на другом берегу и ничем помочь не может.

Погрозил чародей Юрию, а реке сказал:

— Пропадай здесь, негодная.

Сказал и повернул обратно. А Юрий стоит, с болью смотрит на реку и вдруг слышит голос:

— Ох, тяжело мне! Долго мне в болезни быть, пока раны залечатся. Долго мне тебя не видеть. Иди домой, помни обо мне и ни с кем не целуйся: поцелуешься, меня забудешь.

Горестный и печальный пошёл Юрий домой.

Обрадовались мать и отец, что сын возвратился. Удивились только, что он не поцеловался с ними. И стал Юрий жить дома. Каждую неделю приходил к реке. Долго сидел там, разговаривал с ней. И очень радовался, что река с каждым днём светлела. Выздоровливала его добрая девушка.

Но однажды, когда Юрий спал, его поцеловал какой-то старик, и когда Юрий проснулся, то забыл о реке, о своей девушке.

Прошло некоторое время, и Юрий решил жениться. И невесту ему высмотрели. Настал день свадьбы. Собрались гости, пьют, гуляют, веселятся, а Юрий сидит грустный. Отчего ему грустно, он и сам не знает.

Начали тесто месить, чтоб испечь каравай. Лепят каравайницы на тесто разные цветы, звёздочки.

В это время приходит неизвестная молодая женщина.

— Позвольте мне, каравайницы, слепить вам на каравай уточку и селезня, — просит женщина.

Позволили ей каравайницы сделать из теста уточку и селезня.

Посадила она селезня на каравай молодого, а уточку в руках держит, приговаривает:

— Забыл ты, селезенька, как я тебя из неволи вызволяла! — и в голову его — Клюв! — Забыл ты, как я твою головушку спасала! — и другой раз клюнула в голову. — Забыл ты, как я из-за тебя отца, мать покидала и с тобой убегала! — и третий раз в голову клюнула. — Вспомни, как я за это раны принимала!

И вспомнил Юрий всё, узнал свою добрую девушку, обнял её и сказал:

— Вот моя жена, она меня из неволи выручила!

ЗА ДОБРО — ЗЛО

Как-то осенью пошёл крестьянин в своё гумно обмолачивать рожь. Время было раннее — далеко до рассвета. В руках у крестьянина цел, а через плечо перекинут пустой мешок. Гумно стояло вдали от села. Идёт крестьянин не спеша, раздумывает о своих крестьянских делах. Было очень темно, и он сбился с дороги. Блуждая, наткнулся на волка. Схватил он цеп и хотел уж бить его по башке. А волк говорит:

— Постой, друг, лежачего не бьют. Ты видишь, меня держит капкан. Освободи меня, добрый человек.

Пожалел крестьянин волка, разнял капкан и освободил его. А волк говорит:

— Ну, теперь я тебя съем!

— За что же ты будешь меня есть? Ведь я же тебя из беды выручил.

А волк отвечает:

— За добро платят злом.

— Хорошо, — отвечает крестьянин, — пойдём и спросим первого встречного — так ли это? Если он скажет, что за добро платят злом, тогда уж ешь.

— Хорошо, — согласился волк.

И они пошли. Идут да идут. Видят они у дороги в заросли слоняется старая слепая кобылка. Спрашивает её крестьянин:

— Правда ли, что за добро платят злом?

— Да, правда, — отвечает кобылка. — Когда я была молода и сильна да хорошо служила хозяину, тогда он меня кормил, досматривал. А когда состарилась, ослепла, потеряла прежнюю силу, так он меня со двора прогнал, и я помираю от голода. Да, за добро платят злом.

— Слышишь? — сказал волк и уже хотел броситься на крестьянина. Но крестьянин упросил волка:

— Спросим ещё у другого, кого мы встретим.

Идут они дальше. Навстречу им еле тащится старая исхудалая собака.

— Правда ли, что за добро платят злом? — спрашивают собаку.

— Правда, — отвечает собака. — Пока я была молода и верно служила хозяину, он держал меня на своём дворе, а состарилась, так, кроме пинков, ничего от него не видела. А сейчас вовсе согнал со двора, и я подыхаю от голода.

— Ну что, разве не моя правда? — говорит волк.

Отпросился крестьянин и в третий раз. Идут они дальше, встречаются лису. Крестьянин спрашивает её:

— Правда ли, что за добро платят злом?

— А зачем тебе это знать? — спрашивает лисица.

Рассказал крестьянин лисице, как и по какому поводу у него с волком спор произошёл.

— Врёшь ты, — говорит лисица. — Как ты, такой тщедушный мужичишка, мог волка из беды выручить? Пойдём, покажи капкан.

Пошли к тому месту, где с волком беда случилась. Волк залез в капкан, чтоб всё было правдоподобно.

Тогда лисица говорит:

— А покажи, как ты молотишь?

Сообразил крестьянин, да как возьмёт цеп, да как стукнет волка по голове, так из него и дух вон. Взглянул крестьянин на лису — шуба у неё очень хороша.

«Воротник жене будет», — подумал крестьянин да как ударит её по голове, лисица и упала и только успела прошептать:

— За добро злом платят.

Снял крестьянин кожу с волка и с лисы, положил их в мешок и пошёл домой.

ЗАВИСТЛИВЫЙ ПОП

бедняка умер ребёнок. Пошёл он к соседям просить, чтоб сделали гроб и выкопали могилу. Неохотно люди помогают беднякам. Так и того бедняка отсылают от соседа к соседу, а помочь ему никто не помог.

Обидно стало бедняку, заплакал он, и слёзы текли из глаз, точно сок весной из берёз. Вот кое-как сам сколотил гробишко, положил в него ребёнка и пошёл копать могилу. Но прежде чем выкопать могилу, он по дороге зашёл к попу и просит его похоронить ребёнка. Поп сказал:

— Принеси мне полтора рубля денег да пол-осьмины овса, тогда буду хоронить.

— Да нет же, батюшка, у меня ни денег, ни овса.

— Ну, если нет денег и овса, так хорони сам.

Как ни упрашивал его бедняк, поп стоял на своём.

Ушёл бедняк на кладбище, копать могилу. И вдруг выкапывает горшок с червонцами. Червонцы так и горят.

Отнёс бедняк горшок с червонцами домой, закопал его под печкой, взял один червонец на похороны ребёнка. С этим червонцем он пошёл к попу. Удивился поп, увидев червонец. Совершенно иначе стал с бедняком разговаривать. Стал выпрашивать, откуда червонец появился. Бедняк по своей простоте всё рассказал попу.

Похоронили ребёнка. Поп домой пришёл. Найденный бедняком горшок червонцев не даёт покоя. Думает поп, как бы деньгами завладеть. И вот что он придумал. Зарезал старого козла, снял с него шкуру вместе с рогами и в самую полночь пошёл к бедняку. Хата бедняка стояла в стороне от села. Бедняк зажёл лучину и подошёл к окну. А в окне торчит страшилище с рогами. И слышит он страшный голос.

— Отдай мои деньги!

Обомлел бедняк от страха, а когда опомнился, вынул из-под печи горшок с червонцами и отдал попу, думая, что это нечистая сила.

Ухватил поп горшок обеими руками и помчался домой. Пришёл в комнату, хочет горшок на стол поставить, но руки у него приросли к горшку. Попробовала попадья снять с попа козлиную шкуру, а она к попу приросла. Что ни делал поп, ничего не выходит. Посылает поп за бедняком, чтоб забрал свои деньги. А народу целый дом собрался. Смотрят на попа, а он только козлиной бородой трясёт. Пришёл бедняк, взял горшок с деньгами. Руки попа отцепились от горшка, спала с него и козлиная шкура. Но вместе с ней слезла с попа и попова кожа.

ВСЕМ БОЛЕЗНЯМ БОЛЕЗНЬ

ил один человек ни бедный, ни богатый. Работал много, старался, так что и хлеб у него был и денег немного про запас. Был у него сын, мальчик лет двенадцати. Хороший был мальчуган. Радовался отец, что вот подрастёт его сын, помощь будет ему.

Но мальчик заболел. Как ни лечили его, но спасти не могли. И с горя стал пить. Мать плакала ещё больше. Пойдёт на кладбище на могилу сына да так рыдает, так голосит, что тяжело было людям проходить мимо кладбища. А Семко всё чаще и чаще в корчму наведывается и засиживается подольше. Запустили они своё хозяйство, бедность стала стучаться во двор Семка. А он посмотрит на всё это и ещё больше начинает пить.

Вот однажды в самую полночь вышел он из корчмы. Сильно подвыпил Семко. Ноги его ступают нетвёрдо, идёт он неровно, спотыкается. Вышел на дорогу, прошёл несколько ша-

гов и упал в канаву. Лежит он в канаве и встать не хочет. Ночь была тёплая, канава сухая. «Отдохну», — думает Семко и положил голову на траву. А трава мягкая, словно подушка. Лежит Семко, смотрит на небо. А небо всё усеяно звёздами. Видит — покатилась одна звёздочка и потухла, оставив на одно мгновение яркую полосу света.

— Может быть, это душа моего Янка, — думает Семко.

Только он так подумал, видит, стоит его сын у креста на дороге. Испугался Семко, а Янко подходит к нему и говорит:

— Не бойся, батько, это я пришёл к тебе, чтобы предостеречь тебя. Пойдём, я покажу тебе всё.

Поднялся Семко, подошёл к сыну. Взял Янко отца за руку, и они полетели, словно их понёс вихрь. Летят они, и только ветер свищет в ушах. Долго ли, коротко ль летели они, но наконец очутились на какой-то горе. Топнул Янко ногой по камню, и перед ними раскрылся склеп. Полетели они в этот склеп, словно в колодец. Остановились на дне склепа. Янко ударил кулаком в стенку. Раскрылась невидимая дверь. Они вошли в дверь и очутились в огромной комнате. На середине стоит что-то вроде стола, сделанного из человеческих костей. По краям комнаты у стен стоят широкие деревянные лавки.

Уж хотел Семко просить сына вывести его из этой пустой и страшной пещеры, но Янко исчез неизвестно куда. Страшно стало Семку, и забился он в угол под лавку, сидит, еле дышит. И вот расступилась земля, и вышли из неё два каких-то чудовища в образе людей, но косматые и с рогами. Они сложили в кучу человеческие черепа, потянули носом воздух и улеглись возле костей. И вдруг со страшным грохотом треснула стена. Страх охватил Семка, дыхание у него перехватило. Но опомнился немного, смотрит и видит в стене огромную дыру. Из этой дыры выползают такие чудовища, что и рассказать нельзя.

Невозможной величины и вида выходят черти и ведут под руки какое-то чудовище, да так почтительно, словно архиерея. Догадался Семко, что это, должно быть, самый главный чёрт, Люцифер. Хотел перекреститься, но под лавкой так тесно, что рукой нельзя шевельнуть. Взобрался Люцифер на груды человеческих костей и сел на них, словно царь на троне, а черти стоят по бокам и только зубы скалят. Треснула другая стена, и начали вылезать из щели — сначала смерть с косой, а за ней всевозможные болезни. Наползло их полная пещера.

— Ну, — говорит Люцифер, — ты, смерть, садись возле меня, а вы, мои слуги, рассказывайте, что вы сделали, много ль народу уничтожили.

Уселась смерть возле Люцифера на груды костей так, что кости забрызгали.

— Ну, рассказывайте, кто из вас что сделал, — обратился Люцифер к болезням.

Зашевелились болезни, ближе к Люциферу подвинулись. Первой подошла Лихорадка, зелёная, тощая, как арестантка, просидевшая месяц в карцере. Дрожит, как листья на осине, говорит тоненьким писклявым голосом:

— Тяжёлая настала пора, лекарств много, уж я трясу-трясу, гнету-гнету, а ничего не поделаю. Теперь люди говорят: пури́м не праздник, а лихорадка не болезнь.

— Ты смотри у меня! — грозно сказал Люцифер. — Задам такого пара, что и дух из тебя вышибет, если не будешь стараться. Убирайся вон!

Ушла Лихорадка. Подходит Чахотка.

— Я много отправляю сюда людей и многих подготовила. Спасибо Пьянству, — и Чахотка поклонилась какой-то бочке, из которой торчала облезлая голова с синим носом. — Спасибо ему, оно много помогает мне.

— Хорошо, хорошо, — говорит Люцифер, — сделаю тебя старостой.

Далее пошли — оспа, резачка, холера, горячка, тиф и много

других всевозможных болезней. И все они говорят, что им очень помогает Пьянство.

Подкатилась, наконец, бочка, из которой торчала облезлая голова с синим носом.

— О, что я сделало! Я сделало то, что сейчас, не будь меня, ни одна болезнь не доконала бы человека, и Смерти пришлось бы положить зубы на полку да подышать самой.

— Верно, — говорит Смерть, — оно делает больше, чем все болезни вместе. А скольких оно ещё подготовило! По готовому и болезням ходить легко. После пьянства возьмёт и опухоль, и кашель, и резь, и каждая болезнь. А вот попробуй к здоровому подступиться.

— Хвалю Пьянство! — сказал Люцифер. — Ставлю тебя самым старшим — над всеми болезнями болезнью! Теперь тебя все слушать будут. Подойди ко мне, возлюбленное Пьянство, садись возле меня!

Запищали, завизжали, захрипели все болезни, стали величать Пьянство да такой подняли шум, что земля расступилась, и все они полетели неизвестно куда.

Дрожит Семко под лавкой, не смеет головы высунуть, но взглянул и видит — снова стоит Янко возле него. Взял он отца за руку, и они снова полетели. Летели они возле самых звёзд, едва за серп месяца не зацепились и наконец возвратились на то же место, где Семко встретил сына.

— Ну, отец, видел? — спрашивает Янко.

— Видел, — ответил отец.

— А если видел, так ступай домой да смотри помни о том, что видел, и другим Расскажи, — сказал, и его не стало.

Осмотрелся Семко. Та же дорога и крест, та же канавка, в которой он пролежал всю ночь. Продрог Семко, встал он, трясётся, словно его лихорадка бьёт, и быстро направился к своему дому, раздумывая над тем, что представилось ему в эту ночь. Как видно, с той ночи не пойдёт он больше в корчму. Может быть и так.

СЫН ЛЕСА

В каком-то государстве был некогда великий голод. Ни людям, ни животным не было чего есть. Вымерли животные, умирают и люди, как осенью мухи. Но таков уж свет, одни умирают, другие рождаются. Стало рождаться много детей.

Жестокий и глупый царь того государства издал приказ убивать новорождённых детей, чтоб не размножался народ, которого не было чем кормить. Вот и пошли царские слуги убивать маленьких детей или топить их, как щенков. Плачут, убиваются матери, ломают руки, рвут на себе волосы. Но не трогает царских слуг материнское горе, — льётся детская кровь.

Жила в том царстве молодая женщина. Её мужа взяли на царскую службу, а ей приходило время родить ребёнка. Горевала женщина, что её ребёнка изведут царские слуги. Как же уберечь его от смерти? Где его укрыть?

Думала она, думала и, наконец, решила уйти в лес. Наготовила пелёнок, положила их в лубянку и тайком ушла в дремучий лес. Долго она ходила по лесу, выискивая укромное место, куда бы не заглянуло людское око. Наконец зашла в такую глушь, где не ступала нога человека. Набрела она на огромный дуб. Больше тысячи лет стоит он здесь, раскинув во все стороны могучие сучья. А сам он был такой толстый, что десять человек не могли бы обнять его. Снизу дуб начинал загнивать. В нём образовалось дупло, в котором свободно могли поместиться человек шесть, а может быть и больше. Вот и решила молодница устроить в нём себе домик. Она очистила от истлевшего нутра дупло дуба, в нём стало совсем просторно и уютно. Устроила себе постель, наделала полочек, сложила рядом с дубом незатейливую печку. Здесь же, в нескольких шагах, протекал лесной ручей. Вода в нём была чистая, прозрачная, как хрусталь. А сам ручеёк, огибая многолетние деревья и катясь по корням, так мелодично булькал, словно какой-то чудесный музыкант ударял по звонким струнам. Сядет, бывало, молодница на бережку ручья и долго слушает его залихватое бульканье, и на душе у неё становится спокойно. Но она не только просиживала над ручьём, слушая его музыку, ей надо было заботиться о себе. о своём будущем ребёнке. С утра она уходила в лес, собирала ягоды, сушила их, делала запас на трудные дни. Когда появились грибы, она ходила собирать их, сушила, солила. А когда поспели орехи, она насобираала их целый мешок. Насобираала много диких яблок и груш. Собирает всё это добро да думает, какая благодать для человека лес. Ведь это сад, что вырастила природа для нужд человека.

Однажды, собирая грибы, набрела молодница на медвежью берлогу. В берлоге копошились ещё совсем маленькие медвежата. Остановилась она издали, спрятавшись за дерево, и смотрит на молодых медведёнков, как они играют, забавляются, ожидая свою мать. И вдруг откуда-то взмахнул широкими кры-

льями большущий коршун, бросился на медвежат и стал их клевать. Жалко стало молодежи маленьких детёнышей. Схватила она увесистый сук да как хватит коршуна по голове, так тот и ноги протянул. Прибегает медведица. Как увидела она убитого коршуна, так и догадалась, что это молодая женщина спасла её детей от хищника. Легла медведица на землю, потихоньку подползает к молодежи и смотрит на неё так ласково, словно человек. Подползла и осторожно лизнула ноги молодой женщине. Пошла женщина к своему дубу, а медведица смотрит, куда она идёт, и тихонько бредёт за ней, пока та не пришла в своё жилище.

Медведица возвратилась к своим детям, а женщина сидит, перебирает грибы да тихонько песни поёт. И видит она — из-за деревьев выходит медведица и направляется к её дубу. Страх охватил женщину, не знает, что делать, а медведица подошла к самому дубу и положила на дубке свежих пластов мёда, а сама тихонько пошла обратно. Догадалась молодница, что это ей медведица в благодарность принесла гостинца за спасение её детей. Проходят дни. Живёт молодница в лесу и ни о чём не тужит: медведица каждый день навещает её, приносит то мёду, то птичьих яиц, то другой живности. Наконец настало время, и молодая женщина родила сына. И такой же был красивый мальчуган и не такой, как все: спереди на голове у него солнце горит, а сзади месяцик. Солнце так ярко сияет, что и посмотреть на него нельзя. Завязала мать головку своему сыну платочком и не снимает его ни днём, ни ночью. Растёт мальчик, словно на дрожжах. В одно лето сравнялся в росте с матерью. А медведица со своими детьми поближе к дуплистому дубу переселилась и там устроила себе логово. И живут они вместе. Назвала мать своего сына Сыном Леса, потому что он родился в лесу и в лесу вырос. Играет мальчик с медвежатами, верхом на них ездит, борется с ними, словно со своими товарищами.

Так прошло лето и осень. Начинались холода. Впереди зима, а запасов мало. Вот и решила молодая мать перебраться из лесу в своё село, где осталась её хата. Собрались они, поскладывали в лубянки свои пожитки и направились к своему дому. И видят они — и медведица со своими медвежатами, которые уже выросли за лето, идёт за ними. Вот они и положили свои узлы на одного молодого медведя, на другого сел верхом Сын Леса, а мать посадил на медведицу и так все направились из лесу в село. Подходят к селу. Увидели люди медведей, испугались и попрятались по домам, закрыли ворота и двери. Приехала молодница к своей хате, снимала поклажу и пошла с сыном осматривать свою пустую холодную хату. А медведи потянули носом деревенский воздух и трушком побежали обратно в лес. Собрались люди, смотрят на молодую мать да любят её сыном, так он прекрасен. Живут молодая мать со своим сыном, заводят порядок в доме, досматривают хозяйство. Сын Леса устроил кузницу и сделался искуснейшим кузнецом. Пошла далеко о нём слава, как о прекрасном мастере. С разных концов стали приходить и приезжать люди на кузнеца посмотреть, заказы давать. И жили они с матерью хорошо, на зависть людям. Но вместе с хорошей славой прошёл слух, что Сын Леса родился в тот год, когда царь издал приказ убивать новорождённых. Этот слух дошёл и до царских чиновников. А чиновники — люди крючкотворные, на этом они сидят, от своего крючкотворства и хлеб едят. Вот и посылают они целый отряд своих прислужников, чтобы забрать Сына Леса. Узнала об этом мать, плачет, убивается, ночей не спит, а молодой кузнец хоть бы что, посмеивается, да мать утешает, чтоб она не плакала.

— Не боюсь я их, не возьмут они меня.

Но на всякий случай стал готовиться Сын Леса ко встрече непрошенных гостей. Выковал он себе булаву из самой крепкой стали в сорок пудов весом, а потом пошёл разыскивать себе

коня. Но коня никак не может подобрать себе: как положит на него руку да немножко пожмёт, конь на ногах не держится. Как раз в их село приехал тряпичник на красивой кобылице. Положил на неё кузнец руку, она даже не пошатнулась. Вот и купил он эту кобылку, сел на неё, булаву к седлу привесил, распрощался с матерью и поехал. Едет он не спеша и вот видит — впереди целый большой отряд чиновников и их прислужников. Едут забирать Сына Леса. Подъехал он вплотную, ему кричат: — Эй ты, мужлан, сворачивай с дороги!

А кузнец им отвечает:

— Не большие господа, сами можете посторониться.

Разозлились чиновники. Подскочил один из них к нему, нагайкой замахнулся. Схватил его кузнец за шиворот, помахал им в воздухе да как швырнёт его в толпу царских слуг, так те с ног свалились. Поднялся кто мог, и бегом подальше от кузнеца. Разбежались все, а кузнец едет себе дальше тем же неторопливым шагом. Едет он да едет и, наконец, подъезжает к высокой крутой горе. Она перегородила ему дорогу, и дальше ехать нельзя. Остановился кузнец, снял с кобылки седло, пустил её пастись, а сам лёг отдохнуть, положив под голову булаву. Спит он и не слышит, что на кобылку напало двенадцать волков. Окружили её и давай кидаться со всех сторон. Заржала кобылка, зовёт на помощь хозяина. Проснулся кузнец, схватил булаву да как швырнёт её в волков, так всех и перебил, а булава с размаху покатила к горе и ударила её с такой силой, что гора раскололась надвое. Сел кузнец на кобылку, да и поехал в то ущелье в средину горы. А там такая темнота, что ничего не видно, хоть глаз выколи. Развязал он платок, заблестело солнце, и всё кругом стало видно. Едет он да едет, посмотрел вперёд, а там словно огонь горит. Едет кузнец на тот огонь. Подъехал ближе и увидел, что то не огонь, а бриллиант, да большой, словно тыква, горит, всеми цветами радуги

отсвечивает. Поднял его кузнец и дальше едет. А впереди стоит каменная стена. Взял кузнец булаву да как треснет в стену, так она на куски разлетелась. Посмотрел, за стеной дворцы стоят, да такие дворцы, что как посмотришь на них вверх, так шапка с головы падает. Слез кузнец с кобылки, пустил её пастись, а сам пешком пошёл осматривать дворцы. Вошёл во дворец, а в нём бесчисленное множество комнат, залов всевозможной формы и отделки, и все они убраны со сказочной роскошью. Фонтаны бьют, шумят водопады, и везде настежь раскрытые двери. А дверей так много, что их глазом не окинешь. Одни комнаты четырёхугольные, другие круглые, да такие большие, что и стен не увидишь. Одни стены гладкие, сделанные как будто из кремня, а другие, словно туман или лёгкие майские тучки, когда сквозь них просвечивает месяц. Были и такие комнаты, в которых вовсе не было стен, только одни колонны стоят высокие, как те дубы, что с небом говорят. И вот что чудно: окон нигде нет, а везде так светло, что хоть иголки собирай. Идёт кузнец, постукивает булавой да смотрит туда, сюда. Шёл он, шёл, да и запутался — не знает, откуда пришёл, куда дальше идти. И стало ему грустно и жутко в пустом дворце. Остановился он у одной колонны и размышляет. И видит он — бежит мышка. Выскочила она из норки, понюхала воздух, поводила острыми, словно иголками, глазками и хотела искать живности. Увидела кузнеца, удивилась, присела на задние лапы, да и сидит. Посмотрел на неё кузнец, улыбнулся, да и наступил незаметно ей на хвост. Рванулась мышка туда, сюда, но хвост прищемлён, держит её. Вот она и стала просить кузнеца отпустить её, обещает ему помочь в нужную минуту. Засмеялся кузнец, что такая маленькая тварь может ему, силачу, оказать помощь.

— Ну, ступай себе, мышка, делай своё дело.

И отпустил её. Шмыгнула мышка и исчезла, а кузнец дальше пошёл. Только ступил он в другой зал, как слышит —

ржёт его кобылка, на помощь зовёт. Пустился он бежать на её голос. Бежал, бежал, а из дворца выбраться не может, а голос в пустых огромных залах ещё больше с пути его сбивает, и он запутался ещё больше. А кобылка ржала, ржала, да и замолкла. Как видно, волки её зарезали. Что делать? Кобылки жаль, а тут из этих проклятых комнат не выбраться. Разозлился кузнец, схватил булаву и давай стены молотить. Как замахнётся да стукнет, так каменные столбы и стены сыплются, словно кострика в тернице. Пробил себе дорогу, из дворца выбрался. Идёт, ищет кобылку, но найти её никак не найдёт. Стоит, почёсывает чуприну. Но вот бежит мышка. Вильнула хвостом и говорит:

— Ступай за мной, я покажу тебе кобылку. Но её волки зарезали, съели, только кости оставили.

Пошёл кузнец за мышкой. Прошли несколько десятков саженьей, и видит кузнец — только рёбра торчат да голые кости белеют. Между рёбер какой-то огромный паук свои тенёта расставил, а сам ждёт, когда залетит муха или пчела. Жаль кузнецу кобылки. Остановился, смотрит, как ей глаза мухи да муравьи выедают. Где-то поблизости собирала пчела мёд, перелетая с цветка на цветок. Хотела уж лететь, да неосторожно задела паутину и запуталась в ней. Гудит, бьётся пчёлка, ножками перебирает да больше и больше запутывается. Увидел паук, что пчела запуталась, выполз из тёмного угла, откуда он добычу подкарауливал, набросился на пчелу и давай её грызть. Гудит пчела так, что лес кругом дрожит. Увидел и услышал это кузнец и о своём горе забыл. Подбежал к липким тенётам, схватил паука за задние лапы, размахал его над головой раза три да как швырнёт в дерево! Ударился паук головой, и мозги вылетели. Упал страшный паук на землю да так размахивает лапищами, что наokoло широкую яму выгреб в пояс глубиной, пока околел.

А кузнец разорвал тенёта, высвободил пчелу из паутины, посбрасывал с неё все липкие нити и на волю пустил её. Благодарит пчела кузнеца и говорит ему:

— Пойдём, я покажу тебе источник живой воды.

Пошёл кузнец за пчелой, а она потихоньку вперёд летит, только гудит. А тем временем мышка тихонько залезла кузнецу в карман и сидит в нём, как в норке. Приводит пчела кузнеца к высокой горе. Посмотрел он на верх горы, так и шапка с головы упала. Хотел взбираться на гору, так не за что уцепиться. Вот пчёлка посадила его себе на плечи. Уцепился кузнец обеими руками за пчёлку, сидит да только ухает от страха — никогда он не был на такой высоте. Внесла его пчела на высокую гору, опустилась на землю, да и показывает на источник. Взглянул кузнец и видит — из горы живая вода так бьёт вверх, словно фонтан. Набрал в бутылку той воды, сам напился и мышку напоил. Посадила их пчела на плечи и снова несёт в обратный путь через высокую гору. Но только они поднялись на большую высоту, как разгулялась такая лютая буря, что дубы вырывала с корнем, горы шатала, отрывала куски скал и с грохотом скатывала их вниз. Подхватила та буря пчелу вместе с кузнецом и мышкой и понесла их неизвестно куда. Несёт их буря, словно лёгкое пёрышко, да так быстро, что в глазах рябит, а кузнецу кажется, что они на месте стоят, а всё остальное мчится, как только головы себе не свернёт: бегут горы высокие, бегут моря глубокие, бегут пёстрые поля, леса дремучие, болота вязкие, луга зелёные, бегут реки и озёра. Только ясное солнышко стоит, словно вкопанное. И стало оно такое печальное, кровавое, заплакало ясные глазки и линуло слёзы холодные. Льются так, словно кто огромное ведро с водой опрокинул. Стал дождь прибивать их вниз к земле. Летят они словно камень вниз. Страх охватил кузнеца. Вот, думает, ударятся о землю, и следа от них не останется. Но пчёлка широко расправила крылья,

да как загудит, так и остановилась, и помчала их против ветра. Опустилась она на землю в каком-то чужом краю, в далёком царстве. Ссадила она кузнеца и мышку и говорит:

— Когда я понадобится вам, позовите меня, а сейчас я полечу медок собирать, — сказала и улетела, а кузнец с мышкой пошёл куда глаза глядят.

Идёт он, рассматривает неизвестный край. Стали встречаться и тамошние люди. Узнал кузнец от них, что в этом царстве живёт старый царь, и у него большое горе. Был у царя единственный красавец сын, удалой богатырь. И была у него единственная красавица дочь. Царь хотел передать сыну царство, а дочь выдать замуж и подыскивал ей жениха. Но из каких только царств и сколько ни приезжало женихов, царевна никого из них не выбрала себе в женихи и не соглашалась выходить замуж. Пошла однажды царевна в дворцовый сад. Собирает там цветы, из цветов венки свила, на голову надела и, тихонько напевая песню, возвращалась во дворец. И вдруг, откуда ни возьмись, прилетела Баба-Яга Костяная Нога в огромной ступе с таким же помелом. Схватила царевну, посадила в ступу и умчала неизвестно куда. Много удалыцов отправлялось на розыски царевны: царь обещал, что тот, кто разыщет царевну, будет её мужем. Но никто из удалыцов не возвратился, и что с ними стало, не знает никто. Наконец собрался сам царевич, брат царевны. Он подобрал двенадцать самых сильных и искусных богатырей и отправился искать царевну. Из числа этих богатырей уцелел случайно только один. Он и принёс весть, что Кощей Бессмертный, в замок которого царевич приехал, заморозил всех и превратил их в каменные столбы.

Когда об этом узнал царь, он горько плакал.

Услыхав о таких событиях, захотел кузнец разыскать царевну и освободить её. Эта мысль так крепко засела в его голове, что больше ни о чём не думал. И есть ему не хочется и сон его не берёт. Лежит он на земле, положив под голову булаву, да всё думает. Думал, думал и решил идти к царю, но только не знает,

как ему с царём разговаривать. Ведь он человек простой, кузнец, родился и вырос в лесу. Лежит, раздумывает. Подкралась к нему осторожно мышка и щекочет его хвостиком под носом.

— Отвяжись ты, — в досаде сказал кузнец и взял мышку в горсть. Мышка высунула мордочку из горсти и заговорила:

— Не бойся царя, он такой же человек, как и ты, и выслушает всё, что ты ему скажешь. А если ты всё-таки боишься, так возьми с собой меня: я буду тебе подсказывать. Я ведь знаю, где находится царевна. Никаких запоров мне нет, я везде пролезу. А царевна в тех дворцах, где ты наступил мне на хвост. Её запер Кощей Бессмертный и держит под замками, чтоб никто не освободил.

Обрадовался кузнец, посадил мышку за пазуху и пошёл в тот город, где жил царь. Долго ли, мало ли шёл он, но наконец прибыл к царю. Приводят его в царский дворец. Оробел кузнец, когда увидел царя, но мышка, сидя за пазухой, успокаивает его. Прислушался он, что подсказывает ему мышка, приободрился и начал говорить смело и уверенно.

Выслушал его царь и велел снарядить его в дорогу, дать ему лучшего коня из царской конюшни. Пошёл кузнец выбирать себе коня, но подходящего коня не может найти: ни один конь не выдерживает его руки. Тогда царь приказал дать кузнецу своего коня, но мышка шепчет — проси того коня, на котором ездила царевна. Жалко было царю отдавать этого коня, но всё же отдал. Снарядился кузнец в путь, сел на коня, взял за пазуху мышку и поехал. Вот едут они да едут. Заехали в тёмный непроходимый лес. Наступила ночь. Слез кузнец с коня, привязал его к дубу, а сам развёл костёр, сидит у огня, думает свои думы, а потом лёг спать. Спит он и не слышит, как мышка о чём-то с конём шушукуются. А мышка рассказала коню, где находится царевна, и послала его, чтоб он за ночь сбегал туда да принёс весточку.

Рад конь пуститься в разведку, да кузнец крепко привязал его. Взобралась мышка на дуб, перегрызла поводья. Пустился конь бежать, да так, что и птице не догнать. Прибежал конь к той горе, где находились дворцы Кощея Бессмертного, и давай бить копытами. Бьёт он в каменную гору, гора трясётся, но стоит крепко. Видит конь, что горы ему не разбить, побежал искать входа в гору. И нашёл он ту щель, что пробил в горе булавой кузнец. Побежал конь в эту щель, прибежал в самый дворец и так сильно стучит копытами, что во дворце словно гром загремел. Услыхал Кощей Бессмертный грохот в замке, сел с Бабой-Ягой в ступу и поехал навстречу коню. Увидел их конь, набежал на них и давай бить копытами. Видит Кощей Бессмертный, что шутки здесь плохие, выхватил огромный пест да как ударит коня по голове! Упал конь замертво, Кощей Бессмертный так захохотал, что весь дворец наполнился грохотом. Поехал он с Бабой-Ягой осматривать замок и видит, что дворец кто-то разрушил, поломал колонны да в горе щель выбил. Принялся он исправлять повреждения, заделывать дыру в горе.

Тем временем настал день. Проснулся кузнец, посмотрел — нет коня! А мышка молчит, словно ничего не знает. Боится правду сказать, чтоб кузнец не убил её. Погоревал кузнец, посадил мышку за пазуху, да и пошёл пешком. Идёт он, а лес всё глуше да диче, и дорог нигде нет. Ходил, ходил кузнец, присел на колоде отдохнуть. А мышка говорит:

— Позови пчелу, может быть она поможет.

— Это ты правду говоришь, — отозвался кузнец и стал звать пчелу. Услыхала пчёлка, прилетела, да и понесла кузнеца к тому месту, где лежали кости его кобылки. Увидел кузнец скелет кобылки, жалко ему стало её, чуть не заплакал. Вот вынул он из кармана бутылку с живой водой, покропил кости.

Кости начали обрастать мясом, нарастает кожа. Ещё раз полил водой, кобылка раскрыла глаза, зашевелила ушами, потом захрапела в ноздри, да и поднялась на ноги. Обрадовался кузнец, поблагодарил пчёлку, потрепал по шее кобылку, сел и поехал, а дорогу здесь уж показывала мышка. Приехал кузнец к горе, нашёл ту щель, что он проделал, и поехал внутрь горы. Спотыкается кобылка: Кощей Бессмертный натаскал камней, чтобы заделать щель, да и не успел. Взял кузнец булаву и начал прокладывать себе дорогу. Как стукнет булавой, так горы и трясутся, а на месте удара в пыль рассыпаются. Услыхал эти удары Кощей Бессмертный и почувствовал, что на него лихо находит, и поехал навстречу кузнецу. Съехались, и давай биться. Бились они бились так, что горы тряслись. Видит Кощей Бессмертный, что кузнец разбил ступу, пест переломил и еле не хватил булавой Бабу-Ягу, схватил он на руки Бабу-Ягу и пустился удирать, а кузнец не стал преследовать его, поехал во дворец разыскивать царевну. Едет он, мышка показывает дорогу. И видят — лежит убитый конь. Сошёл кузнец с кобылки, вынул бутылку с живой водой, покропил коня. Ожил конь, вскочил на ноги и заржал от радости. Услыхал это Кощей Бессмертный. Видит, что кузнец едет прямо в тот дворец, где находилась царевна за семью замками, за толстой железной дверью, и навёл такую тьму, что и руки своей не увидишь перед самыми глазами. Развязал кузнец платок на голове, и всё стало видно, как в ясный летний день. Едет дальше. Подъезжает к тому дворцу, где находилась царевна. Дверь во дворец завалена огромными камнями. Стал кузнец откатывать камни. Очистил дверь от камней, смотрит — дверь тяжёлая, железная, а на ней семь замков. Остановился кузнец, размышляет, что дальше делать. Посылает он мышку разведать, где находится царевна. Через недолгое время возвращается мышка и говорит:

— Лежит царевна замороженная. Заморозила её Баба-Яга Костяная Нога.

Разозлился кузнец да как схватит булаву и давай грохать в железную дверь. От третьего удара и дверь и стена рассыпались. Вошёл кузнец в комнату, видит — лежит царевич, как пласт. Баба-Яга обернула его в камень. Рядом с ним лежат одиннадцать его дружинников, все мёртвые, превращённые в камни. Посмотрел на них кузнец, прикоснулся к ним рукой — лежат неподвижно. Пошёл к царевне. Входит в ледяной дворец, всё в нём обращено в лёд. Высокие колонны стоят, как деревья, покрытые льдом и инеем. Под этими колоннами стоит ледяная кровать, а на ней полог, как будто сплетённый из инея. На кровати лежит царевна и вся просвечивается, как стекло, а сверху на ней тонкий слой инея. Взглянул на неё кузнец и глаз не может отвести, так прекрасна она. Стоит, словно замороженный, смотрит на царевну, а солнце со лба его так и светит, согревает царевну. И стала она постепенно таять и таять. Лёд сначала побелел, потом покраснел. Через некоторое время царевна оттаяла и лежит словно живая, только не дышит. Достал кузнец бутылку с живой водой, покропил царевну, и она вдруг зашевелилась, открыла глаза, подняла голову. Увидела кузнеца и очень приветливо улыбнулась ему. И в кузнеце от этой улыбки всё растаяло, как растаял и ледяной дворец, где они находились. Оделась царевна по-дорожному, кузнец подвёл её к лошади. Радостно заржал конь, увидев царевну. Поехали туда, где лежал царевич и его дружинники. Горько плакала царевна, стоя над окаменевшим братом. Кузнец не знает, что ему делать. Стоит да смотрит, как убивается царевна. А солнце со лба его всё греет да греет. И начал камень оттаивать, делаться более мягким. Оттаивают и товарищи царевича и постепенно принимают свой прежний образ. Как только кузнец заметил это, он взял живой воды и окропил царевича и его товарищей, они зашевелились, открыли глаза и встали.

Много было тут радости. Вот они собрались и поехали из этого проклятого замка. Мышка залезла за пазуху к кузнецу и указывает дорогу. Выбрались из замка и едут лесом. А лес огромный, конца ему не видно. Едут они и вдруг слышат — шум, грохот. Это Кощей Бессмертный гонится за ними. От шума и грохота зашумел лес, деревья ломаются и падают на землю. Спрятал кузнец царевну и царевича с их спутниками в укромное место, а сам на своей кобыле повернул навстречу лютomu Кощею Бессмертному. Рассвирепел Кощей, увидев кузнеца, так и набросился на него со всей яростью. Но не успел он схватить кузнеца, как тот ухнул его булавой по башке, так голова и раскололась. Но живуч Кощей Бессмертный, схватил руками кузнеца, хочет на землю бросить. И начали они драться кулаками да сдавливать друг друга. Где ступят, там овраги делаются, ямы. Изловчился кузнец, грохнул Кощея Бессмертного на сырую землю, наступил ему на горло и замахнулся булавой. Видит Кощей Бессмертный, что приходит ему конец, давай просить кузнеца не убивать его. Обещал никогда не делать зла людям, не жить во дворце, а поселиться в болоте. Отпустил его кузнец, а сам поспешил к своим спутникам и торопит их ехать к царю, чтоб порадовать его, что нашлись дочка и сын.

Царь отдал приказ установить праздник, выдал за кузнеца свою дочь и сделал его первым человеком в своём царстве. И стал кузнец жить да поживать. И мышка с ним тоже осталась. Так и сидела у него за пазухой. Когда кузнец делал добрые дела, она сидела спокойно. Если же кузнец поступал плохо, мышка начинает царапать его острыми коготками у самого сердца. Много добра сделал кузнец в том царстве. Научил людей железо ковать да изготавливать из него разные изделия для нужд людей. Вспомнил он и о своей матери и решил провести её. Когда узнала царевна, его жена, об этом, она тоже захотела повидать свою свекровь.

Вот и поехал кузнец-вельможа со своей женой к матери. Обрадовалась мать, увидев своего сына. Она считала, что его уж на свете нет, и всё плакала о нём, исхудала с горя. Погостил кузнец у матери, с соседями повидался, научил их кузнечному ремеслу. А потом забрал с собой мать и отправился в то государство, откуда была его жена и где люди равно все трудятся, и друг дружке помогают.

ПЕРОЧИННЫЙ НОЖИК

Был пан, да такой злой и жестокий, что просто жить с ним нельзя было. Никто не мог угодить ему. Что ни скажешь, всё плохо. Боялись его люди, как змея. Придёт к нему кто с какой-либо просьбой, а он как крикнет:

— Что скажешь?

— Всё доброе, панок.

— А после доброго что? — орёт пан. И вдруг распорядится:

— На конюшню его, болвана, да всыпать двадцать пять!

Так и не даст человеку слова сказать. Иначе с людьми он говорить не умел. И боялись люди сказать ему о чём-либо плохом, что не по нраву пану. Только был один мужичок, который имел кличку Стопак. Тот умел говорить с паном, по крайней мере он сам так утверждал.

Играл раз пан в карты и выиграл очень хорошее имение.

Весной поехал осматривать имение да так и остался в нём на всё лето. Как видно, очень понравилось ему новое имение. Недаром же говорят люди, что новое сито на колу висит, а старое под лавкой лежит. Видит управляющий старым имением, что пана всё нет да нет, а в имении беда на беде едет да бедой погоняет, тужит бедняга: надо известить обо всём пана, но как передать ему? И сам он боится с такими известиями являться к злому пану, и никто не решается отправиться, чтоб рассказать пану о несчастьях. Не знает управляющий, что делать, сидит да охает. Узнал про это Стопак. Пришёл к управляющему и говорит:

— Я пойду к пану и всё расскажу: я умею говорить с панами.

Рад управляющий, чуть руки не целует Стопаку. Дал ему целую горсть денег, сапоги с ног своих снял и отдал ему да провизии на дорогу положил столько, что с ней можно было бы до Варшавы дойти.

Идёт Стопак и ни одного кабака по дороге не минает.

Много ли он шёл или мало, но только приходит в новое имение. Подходит к хоромам, а там его лакей встречает.

— Ты чего здесь шляешься, бродяга? — кричит лакей на Стопака и давай его травить собаками.

Стопак вынул из торбы несколько кусочков мяса. Собаки завиляли хвостами, принялись мясо глотать, да ещё смотрят на Стопака тоскливыми глазами. Тем временем Стопак взошёл на крыльцо.

— Что тебе надо? — снова спрашивает лакей.

— Мне надо видеть пана, — отвечает Стопак, а потом меняет тон и почтительно говорит лакею, называя его «паном»: — Пришёл я, панок, из старого имения.

— Хорошо, — отвечает польщённый лакей, — я доложу о тебе пану, но скажи мне, откуда ты знаешь, что я — пан?

— Ты пан — не пан, а так себе полупанок, потому что лоб

у тебя низкий, нос слизкий, так оно и видно, что ты лижешь панские полумиски.

Разозлился лакей и уж хотел Стопака за чуб схватить, да как раз его пан позвал.

— Какой там холоп? — спрашивает пан.

— А это посланный из старого имения.

— А, позвать его ко мне в кабинет!

Побежал лакей звать Стопака. А Стопак сидит важно, достаёт кiset, набивает в трубку табак, не торопится. Потом достаёт кремень, губку, кресало, высекает огонь, прикуривает, долго, неторопливо. Лакей из себя выходит:

— Ступай: пан тебя зовёт!

— Не лихорадка его трясёт, обождёт, — отвечает Стопак, выпуская дымок да поплёвывая на панский паркет.

— Скорее иди! — кричит и пан.

— Сейчас, сейчас, вот только трубку докурю.

Докурил Стопак трубку, пепел из неё выбил, да за пазуху спрятал, а потом идёт к пану. Лакей впереди бежит, дверь раскрывает перед ним. Вошёл Стопак к пану.

— День добрый, пан! — сказал и закашлялся. Долго кашлял, а пан ждёт да усы покручивает.

— Что скажешь? — спрашивает пан.

— Всё хорошее, всё доброе.

— А после хорошего и доброго что?

— Да вот, панок, послал меня к пану управляющий. Панский ножик сломался.

— Какой ножик?

— Да, должно быть, тот, что пану перья изготовляли.

— Как же его сломали?

— Говорят же, что без инструмента и вши не убьёшь. Но всякий инструмент при работе портится. Вот так и с этим ножиком. Хотели пану на сапоги содрать с легавой собаки кожу. Взяли ножик. Но на панской легавой очень крепкая была шкура. Ножик и сломался.

— Какая легавая? — затревожился пан.

— Да та самая, если пан помнит, что вскочила в колодец, а дядя Семён полез её спасать, да и сам захлебнулся в колодце. Да это та легавая, которую пан всегда на охоту брал. И, дай бог память, за эту легавую вы, пан, отдали соседнему пану трёх мужиков.

— Так что ж, моя легавая подохла?

— Подохла по самым настоящим правилам, как полагается.

— А отчего она подохла?

— Говорят, панок, была здорова, но как объелась конины, так вдруг и ноги протянула.

— Какой конины?

— Да мяса жеребца.

— Какого жеребца?

— Панского, буланого, с лысинкой.

— Что, и он сдох?

— Сдох, панок. А жаль — хороший был жеребец.

— О, какое несчастье! — воскликнул пан.

— Э, панок, стоит ли так близко к сердцу принимать. Уж известно, если жеребёнок родится с лысинкой, то он или подохнет, или его волки съедят.

— С чего же он подох?

— Должно быть, подорвался.

— Что ж на нём делали? Ездили быстро, что ли?

— Нет, панок: он всегда на конюшне стоял.

— Так в чём же причина?

— Воду на нём возили.

— Но зачем же потребовалось на нём воду возить?

— Есть у людей поговорка, панок: когда в воде захлебнешься, то и за бритву хватаешься. Вот как загорелся в имении свинарник, то управляющий велел на жеребце воду возить.

— Как, свинарник сгорел?

— Сгорел, панок.

— Как же он загорелся?

— А видишь, пан, он был близко от коровника. От него, видно, и загорелся.

— Так и коровник сгорел?

— Сгорел, панок, как свечка.

— А от чего он загорелся?

— Вот здесь я не знаю: или от каретной огонь забросился, или от панского дома.

— О Езус-Мария! — схватился пан за голову. — Так и мой дом сгорел?

— Сгорел, панок. Всё погорело, как бы кто языком слизал.

— Весь двор сгорел?

— Начисто, панок, сгорел: чисто, гладко, хоть репу сей.

— А от чего же дом сгорел?

— От свечей, панок.

— Зачем же свечи зажигали?

— Да как же, панок? Известно, свечи ставят, когда кто умрёт.

— А кто же умер?

— Вечный ей покой, чтоб ей на том свете легко икнулось, умерла панская жена.

— Что? Что? Что ты говоришь? Пани умерла?! Ох, я несчастный!

Давай пан плакать да убиваться, а Стопак говорит:

— Чего же пан плачет? Пану дал бог прибыль.

— Какую? Говори скорее!

— Старшая панская дочь родила пану внука. Прекрасный, говорят, мальчишка, то бишь, панич. И весь в отца пошёл, как говорится, и крошки побрал, — ну вылитый панский кучер Никита.

Услыхал это пан и с кресла свалился, а Стопак, не торопясь, пошёл в пекарню закусить.

ИВАН-ДУРАК И КОНЁК-ГОРБУНОК

отца было три сына, два умных, а третий, как говорится в сказках, дурак. Отец посеял много пшеницы. Поводился какой-то конь в пшеницу ходить. Много съедал, а ещё больше топтал. Взялись братья по очереди караулить пшеницу.

Пошёл старший брат. Обошёл он пшеницу; посидел немного да видит, никого нет, пошёл, зарылся в копну сена, да и проспал всю ночь. А отцу сказал, что всю ночь караулил, да никого не видел. Пшеница же была снова потоптана и поедена. На следующую ночь пошёл караулить средний брат. Походил он немного возле пшеницы, а потом ушёл в деревню к девушкам и прогулял всю ночь. Утром приходит домой и говорит отцу, что караулил всю ночь, а вора не видел. Пшеница же снова была потоптана.

— Ну что же, отправляйся ты, Иван, караулить пшеницу, — говорит отец младшему сыну.

Иван усмехнулся и говорит:

— Пойду и вора поймаю.

Посмеялись над дураком, дали ему хлеба, и он вечером пошёл на поле. Обошёл поле, засеянное пшеницей, выбрал укромное место и сел на меже под кустом. Сидит, не спит. Вот в полночь слышит он гулкий топот лошадиных ног. Смотрит Иванушка, видит — бежит лошадь, одна шерстинка золотая, другая серебряная. Прибежала и стала пшеницу есть. Не столько ест, сколько копытами топчет. Подкрался осторожно Иван, изловчился и — хватъ коня за гриву! Рванулась лошадь, но Иван крепко в гриву вцепился. Вот лошадь и говорит — а это была чудесная кобылица:

— Отпусти меня, Иванушка! Я дам тебе двух моих сыновей и дам Конька-Горбунка. Тех двух ты продай, а Конька-Горбунка себе оставь, он сослужит тебе большую службу. А я больше не буду пшеницу топтать.

Отпустил Иван чудесную кобылицу, а сам домой идёт и песню поёт. Вдруг догоняют его три коня — два хороших, а третий невзрачный. Это и был Конёк-Горбунок. Загнал Иван коней в порожний хлев, а сам дождался рассвета и пошёл домой. Пришёл и стучит в дверь:

— Эй вы, лодыри, отворите дверь!

— Что же ты ночью видел? Поймал вора?

— Видал чёрта и вора поймал, — отвечает дурак.

— А где же вор?

— Отпустил домой. Очень уж он хорошо просил.

Посмеялись над дураком и отошли от него. Но после той ночи никто пшеницы не топтал.

Заметили братья, что дурак чем-то озабочен и куда-то уходит. Вот и стали они присматривать за ним. Узнали, что дурак часто в порожний хлев ходит. Пришли они туда и видят — стоят два великолепных коня и третий Конёк-Горбунок. Вот братья решили украсть у дурака хороших коней, а ему оставить Конька-Горбунка. Пришёл Иван в хлев — нет двух лошадей — и стал плакать.

— Не плачь, Иванушка, — говорит Конёк-Горбунок, — коней братья твои украли. Садись на меня, мы их догоним.

Сел Иван на Конька-Горбунка, и помчались. Догнали братьев.

— Что же вы, лодыри, лежебоки, коней моих украли? — кричит на них Иван.

— Не кричи, Иван, мы купим тебе за коней много булок.

Иван успокоился, и они поехали дальше все вместе. Едут и видят, что в лесу что-то блестит, будто огонь горит.

— Посмотри, Иван, что там блестит. Если это окно в хате, так заедем поночевать.

Поехал Иван и видит — лежит перо Жар-птицы. Это оно горит и светится.

— Не бери этого пера, из-за него много хлопот будет, — говорит Конёк-Горбунок.

Но дураку так понравилось перо, что он не послушался Конька-Горбунка, взял перо и спрятал его за пазуху. А братьям сказал, что никакого огня нет, а светилась гнилая колода.

Приехали на базар. Подходит какой-то важный генерал, посмотрел на Ивановых лошадей, и глаза у генерала разгорелись.

— Сколько стоят лошади? — спрашивает.

— Пять тысяч каждая как отдать, — отвечает старший брат.

Не торгуясь, отсчитал генерал десять тысяч золотом и забрал лошадей. А покупал он их для царской конюшни. Вместе с лошадьми взял он Ивана за конюха.

Приехал Иван в столицу на Коньке-Горбунке. Отвели ему место в царской конюшне. Царские конюхи, когда чистили лошадей, зажигали фонари, а Иван воткнёт в стену перо Жар-птицы, перо так ярко светит, что все конюхи только удивляются.

На другое утро зовут Ивана к царю.

— Чем это ты светишь в конюшне, когда чистишь лошадей?
— спрашивает царь. А царь был старый, злой, сердитый.

— Я втыкаю в стену перо Жар-птицы, — отвечает Иван.

— Если ты имеешь перо Жар-птицы, то у тебя должна быть и сама Жар-птица. Завтра же чтобы ты доставил её ко мне во дворец. Если не доставишь, так вот мой меч, и твоя голова с плеч.

Идёт Иван от царя, почёсывает чуприну. «Эх, не послушался я Конька-Горбунка! — думает Иван. — Где же я возьму Жар-птицу?»

Пришёл в конюшню, сел и плачет. Подходит к нему Конёк-Горбунок.

— О чём плачешь, Иванушка?

Рассказал Иван про своё горе.

— Не послушал ты меня, Иванушка. Не надо было брать перо. Это ещё не горе, а горе впереди. Но я тебе буду помогать. Иди к царю и проси у него, чтоб он дал тебе пшеницы, вина и корыто.

Велел царь выдать Ивану пшеницу, вино и корыто.

Принёс всё это Иван Коньку-Горбунку.

— Хорошо, — говорит Конёк-Горбунок, — забирай корыто, вино и пшеницу и садись на меня.

И они помчались, словно ураган их понёс. Приехали на какое-то поле. Насыпали в корыто пшеничных зёрен, полили их вином. Лёг Иван под корыто и лежит. И вдруг прилетает целая стая Жар-птиц. Уселись они на корыте и клюют зёрна. Изловчился Иван и — цап за ногу Жар-птицу. Бьётся Жар-птица, а Иван держит её крепко. Прибежал Конёк-Горбунок. Иван сел на него, и они помчались к царю. На следующий день в срок приносит Иван царю Жар-птицу. Наградил царь Ивана и сделал его старшим конюхом.

— Подвыпил на радостях Иван, ходит по конюшне, бахвалится, рассказывает разные небылицы. Рассказал про морскую

царевну, царь-девицу, краше которой нет никого на свете. А конюхи слушают да на ус мотают. И вдруг через некоторое время опять зовут Ивана к царю. А царь ему и говорит:

— Ты, сказывают, знаешь царь-девицу. Так вот мой приказ: привези мне её. Не привезёшь, так вот мой меч, а твоя голова с плеч!

Пошёл Иван в конюшню, сел и плачет.

— О чём плачешь, Иванушка? — спрашивает Конёк-Горбунок.

Рассказал Иван про царский указ.

— Отсечёт он мне голову: где же я сыщу царь-девицу?

— Не плачь, слезами горю не поможешь. Иди ложись спать, а завтра что-либо придумаем.

На следующий день посылает Конёк-Горбунок Ивана к царю:

— Иди и попроси царя, чтоб он дал тебе на дорогу красивых платков, перстней, браслетов, конфет, дорогих камней. Всё это, скажи царю, будет привезено обратно.

Пошёл Иван к царю и попросил всего того, о чём говорил Конёк-Горбунок. Царь велел всё это выдать, да ещё от себя прибавил разных замысловатых вещей, которые нравятся девушкам. Собрался Иван, забрал все изделия, сверкающие, словно радуга, и поехал в дальнюю дорогу. Приехали они на берег моря. Иван сделал стол, застелил его до самой земли скатертью, разложил на столике все свои товары, а сам залез под стол и сидит. Так научил его Конёк-Горбунок. Сидит Иван и ждёт. И вдруг через щёлочку видит — идёт девушка, да такая красивая, что и описать нельзя. Длинная толстая коса концом землю задевает. Это и была царь-девица. Увидела она стол, а на столе разные вещи и так они горят на солнце, что и глаз не отвести. Подошла царь-девица и начала рассматривать перстни, браслеты, заколки, платки и так увлеклась, что всё на свете забыла.

Улучил Иван подходящую минутку и ухватил царь-девицу за косу. Вырывается царь-девица, а Иван из рук косы не выпускает, зовёт Конька-Горбунка. Прибежал Конёк-Горбунок. Посадил Иван царевну на Конька и примчался к царю.

Доставил Иван царю царь-девицу. Посмотрел на неё царь и совершенно потерял голову — так поразила его красота царь-девицы. Наградил он Ивана и отпустил, а сам от царь-девицы не отходит, глаз с неё не сводит, просит её быть его женой. А царь-девица отвечает ему на это.

— Отвези письмо моему отцу, Месяцу, попроси его на свадьбу. Если он приедет, значит, позволит мне замуж за тебя выйти.

Если бы царь не был так ослеплён своей любовью, он понял бы, что царь-девица вовсе не хочет за него замуж выходить. Но влюблённый старик, будь он даже царь, глупее безусого юнца.

Зовёт царь Ивана, даёт ему письмо от царь-девицы к Месяцу и приказывает отвезти его по адресу и ответ получить.

Утешил кое-как плачущего Ивана Конёк-Горбунок, отправил его отдыхать. На завтра утром снарядились в дорогу и поехали. Ехали быстро, очень долго. Много разных стран проехали, много гор и морей видели. Между одним морем и маленьким островком у моря увидел Иван огромного кита, лежавшего на суше. Надо было ехать по киту.

— За что тебе такая кара? — спрашивает Иван.

— Меня Месяц выбросил из моря, а за что, не знаю.

Наконец доехали до Месяца. Вручил ему Иван письмо его дочери. Месяц прочёл и сказал:

— Ночью я увижусь с нею и поговорю.

А когда Иван, по совету Конька-Горбунка, попросил, чтоб Месяц написал хоть несколько слов, он написал на письме дочери:

«Буду у тебя ночью».

— А за что выбросил ты кита на сушу? — спросил Иван.

— Он проглотил три корабля с людьми. Если он их выпустит, тогда я отпущу его в море.

После этого они поехали в обратный путь.

Проезжая через кита, Иван сказал ему, за что он наказан. Кит выбросил корабли, и тогда он опустился в море. Кит поблагодарил Ивана и обещал при нужде помочь ему. Доставил Иван царь-девице письмо от Месяца, рассказал, что видел в дороге. А царь-девица говорит царю:

— Если ты достанешь из моря шкатулку, в которой хранится мой перстень, тогда я выйду за тебя замуж.

Позвал царь Ивана и приказывает ему разыскать в море шкатулку царь-девицы.

Посоветовался Иван с Коньком-Горбунком.

— Не тужи, — говорит Конёк-Горбунок, — кит тебе поможет.

Вот и поехали они к морю и стали звать кита. Приплыл кит.

— Что надо тебе, добрый человек? — спрашивает кит Ивана.

Рассказал Иван, какое поручение дал ему царь.

Кит поплыл в море и приказал рыбам разыскать шкатулку. Шкатулка оказалась в том месте, где жили ерши. Но ёрш не может поднять шкатулку. Послал кит сома. Поплыл сом, взял шкатулку и отдал её Ивану. Иван доставил шкатулку с перстнем царь-девице. Тогда она сказала царю:

— Если ты искупаешься в кипящей воде, в кипящем молоке, а потом в холодной воде, тогда я выйду за тебя замуж.

Приказал царь нагреть котёл воды и котёл молока. Когда котлы закипели, царь призывает Ивана и говорит ему:

— Ну, Иванушка, будем купаться, — а сам думает: если Иван искупается и цел будет, тогда искупается и он.

Иван говорит:

— Отпусти меня, царь, попрощаться с моим Коньком.

Царь отпустил его. Рассказал Иван Коньку-Горбунку, что царь хочет сварить его в котле.

— Не бойся, — говорит Конёк-Горбунок, — пойдём вместе.

Вот подошёл Конёк-Горбунок к котлу с кипящей водой, понюхал её. А Иван уже разделся. Конёк дал ему знак лезть в котёл.

Бросился Иван в кипящий котёл, искупался. А Конёк-Горбунок понюхал котёл с кипящим молоком. Иван вылез из одного котла и бросился в котёл с молоком, а потом полез в третий, с холодной водой. Когда он искупался, то стал таким статным, красивым, что краше его никого не было. Даже царь-девица залюбовалась им.

Разделся царь да как влез в котёл с кипящей водой, так в момент и сварился.

Царь-девица обратилась к народу:

— Если вы желаете, чтоб я была вашей царицей, то позвольте мне выйти замуж за этого молодца.

Она взяла под руку красавца Ивана и показала народу.

Все в один голос крикнули:

— Будь нашей царицей! Выходи замуж за Ивана!..

СОДЕРЖАНИЕ

Кот, петух и лиса	3
Два зайца	7
Как петушок спасал курочку	9
Кот — сват	13
Три брата	20
Счастье и Горе	23
Смолоду или к старости?	26
Собачоныш	30
Диво	39
Сапожник и рыбак	43
Рыжий и лысый	45
«Отдай мне то, что в доме неизвестно»	48
За добро — зло	59
Завистливый поп	62
Всем болезням болезнь	64
Сын Леса	68
Перочинный ножик	83
Иван-дурак и Конёк-Горбунок	88

ДИВО. Белорусские народные сказки. Для младшего возраста. Минск, «Беларусь», 1966.

96 с. с илл.

БелФ

Редактор Е. Курто. Художественный редактор В. Жиженко. Технический редактор Г. Федорук. Корректор Н. Лупсякова.

Сдано в набор 28/X 1965 г. Подп. к печати 11/V 1966 г.

Тираж 168 000 экз. Формат 70X90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Физ. печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,03. Уч.-изд. л. 4,4. Заказ 1192. Цена 16 коп.

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа Комитета по печати при Совете Министров Белорусской ССР. Минск, Красная, 23.

16 коп.

Оцифровка, реставрация,
OCR, вёрстка

